ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 8 (1111). Воскресенье, 24 декабря 1944 г. Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. **К 20-летию Советского Узбекистана. Хамид Алимджан.** Как прозрачна река... (стихи). **Тимур Фаттах.** В пути (стихи). **Камиль Яшен.** На под'еме.— **Н. Погодин.** О драматургии.

2 стр. **М. Володин.** Неверные слова. **Л. Дмитриев.** «Октябрь» № 7—8. **В. Перцов.** Писатели Воронежа. **Павел Антокольский.** Тынянов.

3 стр. **М. Нечкина.** Грибоедов и его эпоха. **А. Игнатьев.** Образ советского офицера. **А. Лейтес.** О главном и подробностях.

4 стр. **Эдвин Арлингтон Робинсон.** Вечеринка мистера Флада (стихи). **Ольга Форш.** Будущие книги. **Информация.** Под знаком высоких требований. В Союзе советских писателей СССР. Вечер памяти Ошера Шварцмана. Письмо работников искусств. Молодые литературоведы.

Президиуму Верховного Совета Узбекской ССР Совету Народных Комиссаров Узбекской ССР Центральному Комитету КП(б) Узбекистана

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР в день 20-летия образования Узбекской Советской Социалистической Республики шлют братский привет рабочим, колхозникам и интеллигенции Узбекистана.

Советская революция освободила трудящихся Узбекистана от гнета эмиров, баев, царских чиновников, создала национальную государственность узбеков, об'единила узбекский народ с другими народами могучего многонационального советского государства в нерушимый братский союз, открыла путь к расцвету хозяйства и культуры узбекского народа.

За годы советской власти узбекский народ с помощью великого русского народа, под руководством партии большевиков, добился больших успехов во всех областях хозяйственной и культурной жизни. Из страны мелкого единоличного отсталого сельского хозяйства Узбекистан стал страной социалистического крупного механизированного сельского хозяйства. В Узбекистане создана развитая система ирригационных сооружений. Узбекская Советская Республика стала важнейшей базой хлопководства в нашей стране. В Узбекистане заново создана крупная промышленность.

Ликвидирована вековая культурная отсталость узбекского народа, расцвела передовая культура национальная по форме, социалистическая по содержанию. В республике осуществлено всеобщее начальное обучение, построены тысячи школ, много лечебных учреждений, высших учебных заведений, театров, музеев, создана Академия наук. Узбекский народ вырастил из своей среды многочисленные кадры ученых, писателей, деятелей искусства, инженеров, врачей, учителей, агрономов.

В Отечественной войне Советского Союза против фашистской Германии трудящиеся Узбекистана показали глубокую преданность и верность своей советской Родине. Бесстрашно сражаются на фронтах Отечественной войны сыны узбекского народа за честь и независимость советского государства. Беззаветно трудятся на помощь фронту рабочие, колхозники и интеллигенция Узбекской Советской Социалистической Республики.

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР выражают твердую уверенность в том, что узбекский народ вместе со всеми народами Советского Союза выполнит свой долг перед Родиной и отдаст все свои силы делу завершения разгрома немецко-фашистских захватчиков, делу дальнейшего под'ема хозяйства и культуры Советского Союза.

Да здравствует Узбекская Советская Социалистическая Республика!
Смерть немецким захватчикам!

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

В Ленинграде состоялось общегородское собрание отделения Союза советских писателей СССР. На снимке сидят (слева направо): Вера Кетлинская, В. Саянов, А. Прокофьев, Ольга Форш, Н. Тихонов, И. Груздев, Г. Мирошниченко, И. Авраменко; стоят (слева направо): В. Лифшиц, М. Зощенко, В. Орлов, А. Зонин, Л. Рахманов.

Фото С. МОСТОВОГО

◇ ◇ ◇

ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

В дни, овеянные славой бессмертных воинских подвигов советского народа, освобождающего мир от тлетворной фашистской нечисти, страна наша отмечает две знаменательные даты — двадцатилетие Туркменской ССР и двадцатилетие Советского Узбекистана.

Короткий исторический срок — два десятка лет — в жизни этих республик стал грандиозной эпохой хозяйственного и культурного расцвета. Их индустрии и сельскому хозяйству, литературе и искусству могут позавидовать иные государства Западной Европы. Народы, еще недавно задавленные игом бухарского эмирата и хивинского ханства, изнывавшие под двойным гнетом, тяжело страдавшие от произвола «собственных» эксплоататоров и царских чиновников, распрямили свои могучие плечи. Новые фабрики и заводы, дворцы культуры и школы выросли в городах Средней Азии. Гигантские каналы прорезали безводные пески. Невиданные урожаи хлопка, хлебов, фруктов стала давать земля. Расцвела новая культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. И все это — живое воплощение величия ленинско-сталинской национальной политики, торжество советской идеологии, великого принципа дружбы и братства народов. Под животворным солнцем Сталинской Конституции все народы, составляющие советскую семью, получили выход своим неисчерпаемым творческим силам и обрели то, о чем веками мечтал народ.

И когда злобные фашистские хищники ринулись на советскую землю, народы Туркмении и Узбекистана вместе со всеми своими братьями поднялись, как один человек, на защиту советской Родины. Они с честью выдержали суровые испытания военного времени. Лучшие люди этих республик прославили свои имена и в боевых делах, и в трудовых подвигах на заводах, стройках и колхозных полях.

Их вдохновляла, о них писала и к ним ежечасно обращалась родная литература, в которой уважение к глубоким и древним традициям народного творчества сочетается со свежестью новых идей и форм.

По сложившейся традиции в юбилейные даты мы оглядываем пройденный путь, чтобы еще быстрее и увереннее итти вперед. Вспоминая все, что создано за двадцать лет в литературе Советского Узбекистана, мы можем с гордостью назвать имена Хамзы Хаким-заде и Сайреддина Айни. Гафур Гуляма, Хамид Алимджана, Камиля Яшена и многих других писателей, чьим трудом и замечательным талантом заложены прочные основы молодой советской культуры Узбекистана. И по той же хорошей советской традиции мы не превращаем юбилейные дни в парадный смотр, а говорим и о невыполненных задачах, о том, что надлежит сделать. Опыт литературы Узбекистана сегодня, на рубеже третьего десятилетия, требует вдумчивого, серьезного отношения, которое помогло бы ей еще быстрее расти и добиваться новых успехов.

За двадцать лет литература стала могучим духовным оружием в руках узбекского народа.

Сила узбекского поэта и узбекского прозаика — в его отклике на все, что насущно, важно в жизни нашей родины.

В Советском Узбекистане нет кишлака, в котором не слагали бы стихи. Не диво встретиться с узбекским дехканином, произносящим тысячу поэтических строк. Но сегодня не удивит и тот школьник-узбек, который по пальцам перечтет вам действующих лиц «Рубки леса» и «Люцерна», который помнит наизусть «Валерика» и «Бородино».

«Семья мала, — пишет узбекский народ в своем послании к сыновьям-фронтовикам, —Союз Советских Социалистических республик велик». Этим сказано многое! Узбекская литература вырастала вместе с другими советскими литературами. Узбекские поэты и прозаики в большей мере обязаны своими успехами прочнейшей связи со всеми братскими советскими литературами.

Взрослый и школьник получили узбекские книги, в которых нет средневековой схоластики, нет риторики, нет надуманности, свойственной былым одическим произведениям. Поверхностная дидактика и очень уж «наглядный» схематизм точно так же остались в прошлом.

Прекрасен расцвет узбекской лирики. Но еще не достигли высокой зрелости такие важнейшие жанры художественной прозы, как роман и повесть. Многое еще предстоит сделать и в области драматургии, чтобы театр мог полнее и шире удовлетворить возросшие духовные потребности узбекского народа.

Большие успехи взывают к успехам еще большим. Одна из самых идейных литератур Востока, созревшая в дни Ленина и Сталина, наставляемая гением Горького, узбекская литература совершает свое восхождение на высоты художественного мастерства. Вместе с другими литературами СССР — на третьем десятке лет своего советского существования — узбекская литература с неизменным успехом продолжает свой творческий труд.

К двадцатилетию Советского Узбекистана

Хамид АЛИМДЖАН

Как прозрачна река...

Это счастье мое, что на землю свою
Я смотрю, удивленно расширив глаза.
Луч в воде утонул. И в алмаза струю
Опускает копытце степная коза.

А на желтом песке — уголками следы,
Словно буквы еще неразгаданных слов...
Это счастье мое, что до поздней звезды
Изучаю повадки зверей и цветов.

Что за тенью своей по дорогам гонюсь
И уставшая, сзади шатается тень;
Что встаю до рассвета и громко клянусь
Веселее прожить свой сегодняшний день.

Как прозрачна река... И горды чистотой
Прямодушные люди в краю золотом.
Это счастье мое, что над синей рекой
На крутом берегу — мой отеческий дом.

Перевела с узбекского
Светлана СОМОВА.

Тимур ФАТТАХ

В пути

Вперед, вперед, туда, где враг, —
На запад я чеканю шаг.
По вздыбленным путям иду,
По выжженным степям иду,
Но сердцем я всегда с тобой
В садах, где ты была со мной.
Но в мыслях предо мною ты,
Твои глаза, твои черты,
Ты на моих устах всегда,
Со мной в моих мечтах всегда.
Все дальше, дальше путь влечет,
Все тяжелей разлуки гнет,
Но радость нежности твоей,
Но жаркий блеск твоих очей
И в тьме ночи, и в свете дня
Ласкают каждый миг меня.
Вперед, вперед, туда, где враг, —
На запад я чеканю шаг...
К разрушенным домам иду,
К друзьям-богатырям иду,
От солнца радость жизни взяв,
Свет и любовь к отчизне взяв,
С востока вышел я в поход.
Победы день меня влечет.
Вперед, вперед, туда, где враг, —
На запад я чеканю шаг.
Любовь твоя и облик твой,
Как знамя, реют надо мной.

Перевел с узбекского Вл. ЛИПКО.

Камиль ЯШЕН

НА ПОД'ЕМЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция свергла власть ханского эмирата, хивинского ханства и, при братской помощи великого русского народа, об'единила разрозненные узбекские племена в единую нацию узбеков. Все это открывало перед узбекской литературой новые перспективы.

Классическая узбекская литература, насчитывающая тысячелетие, блистает бессмертными произведениями Алишера Навои, Лутфи, Атаи, Бабура, Фазли, Гулханы, Мукими, Фурката. Современная узбекская литература — непосредственная преемница этих великих авторов. Ее питает также богатейшая устная литература и произведения народного эпоса — «Рапушан-хан», «Горуглы», «Юсуф Ахмед», «Алпамыш».

Поэт академик Гафур Гулям — один из лучших поэтов Советского Союза. Гафур Гулям — писатель большого творческого темперамента, многожанровый и разнообразный — поэт и прозаик, лирик и юморист. Поэмы, рассказы, лирические стихотворения, очерки, фельетоны Гулям начал печатать с 1924 года (сборник стихотворений «Динамо», «Живые песни», сборник «Рассказы», «Нетай», поэмы «Кукан-Батрак», новеллы о Китае и др.).

Академик Айбек — поэт и крупный прозаик, автор поэм «Мать», «Бахтагуль и Сагинбик». В последние годы он перешел к прозе. Написал два ярких романа «Священная кровь» и «Навои».

Член-корреспондент Академии наук УзбССР, поэт Хамид Алимджан — один из талантливейших в узбекской поэзии политических лириков, певец воинствующего пафоса борьбы и строительства.

Смерть Алимджана — большая потеря не только для узбекской, но и для всей советской литературы.

Для творчества поэта Шейхзадэ характерны пафос мысли и чувства, постоянный интерес к оригинальному звучанию стиха, большая смысловая нагрузка поэтического слова — интерес к образам государственных деятелей, героям революции, великим людям прошлого.

Поэта Уйгуна читатель ценит, как нежного лирика, мастера короткого лирического стиха. В соавторстве с драматургом Иззат Султановым он написал пьесу о жизни великого Алишера Навои.

Абдулла Каххар — талантливый новеллист. Главные герои его рассказов — люди новой колхозной деревни.

Два поэта Сабир Абдулла и Чусти широко популярны в Узбекистане. Лирика их музыкальна. Их песни поют в колхозах, на заводах. Сабир Абдулла — также и драматург. Его пьеса «Тахир и Зухра» пользуется любовью узбекского зрителя; она идет во всех театрах республики.

Поэты и писатели Миртемир, Тимур Фаттах, Хамид Гулям, Зульфия, Тураб-Тулла, Туйгун, Айдын Сабирова и другие создали удачные стихи, сюжетные рассказы и пьесы.

Изучая наследство лучших представителей узбекской классической литературы, узбекские писатели в то же время активно приобщаются к наследству русской литературы — творчеству Пушкина, Л. Толстого, Лермонтова, Чернышевского, Добролюбова, Чехова, Островского, Крылова, Горького, Маяковского, они изучают опыт развития современной русской литературы.

За годы советской власти на узбекский язык переведены основные произведения Пушкина и Лермонтова, Льва Толстого, Чехова, Тургенева, Гоголя, Островского, Горького, Маяковского, Шолохова, Алексея Толстого и многих других русских писателей—прозаиков и поэтов.

Великая отечественная война оказала сильное влияние на ход развития узбекской литературы. В дни войны поэт Амин Умари поднял мужественный голос против оголтелого врага:

Нет дороги врагу! Нет дороги врагу!
Я штыком ему грудь проколю на бегу,
Подколю и изрежу его на куски,
Задушу его в тине глубокой реки,
Сердце вырву свое, высоко подниму
И гранатою брошу под ноги ему

(Перевела С. Сомова).

Шейхзадэ пишет о родной всем народам Москве, о великом полководце Сталине:

Отчизна, мы принадлежим тебе,—
И жизни мы не пощадим в борьбе.
Великий полководец нас ведет,
Нам имя Сталина—в борьбе оплот!

(Перевел Л. Пеньковский).

С особой силой звучит во время войны голос Гафур Гуляма. Им написан цикл стихотворений на военную тематику, песни о доблести героев-защитников.

В дни войны Уйгун издал сборник стихов («Песни победы», «Гнев и любовь»), пьесу о героях хлопковых полей—«Раскованная шутка».

Пьеса Иззат Султанова «Полет Орла» посвящена самой любимой у нас теме—дружбе народов.

Тимур Фаттах написал об узбекских героях, которые бились под Москвой.

Чудесные, глубоко патриотические стихи создали покойные Хасан Пулат и Даврон. Успешно работает поэт Миртемир.

Лирические, патриотические стихи написала поэтесса Зульфия.

Много работают поэты Хамид Гулям, Тураб-Тулла, Зафар Дияр, Рагно Узакова, Саид Назар. Айдын Сабирова написала ряд сюжетных рассказов, очерки о бойцах-узбеках, о героических подвигах женщин в тылу.

Узбекская поэзия за годы войны создала ценные литературные произведения, являющиеся одновременно и историческими документами: «Письмо товарищу Сталину от строителей Катта-Курганского водохранилища», «Письмо товарищу Сталину от узбекского народа, принятое на митинге трудящихся Ташкента», а также «Письмо узбекского народа героям Отечественной войны».

Во время войны уверенно звучали также голоса нового поколения, голоса «молодых»: это Янгин Мирза, Мирмухсин, Хасан Саид (героически погибший на фронте), Ашурмат, Шукур Сагдулла, Шухрат и др.

Среди произведений народных певцов и сказителей Узбекистана видное место занимают произведения Фазил Юлдаша, Курбанфота, Ислам Шаира.

Силами московских и украинских писателей создаются антологии узбекской литературы на русском и украинском языках—по поэзии, прозе и фольклору.

Наши поэты много работают над массовой красноармейской песней. Особой популярностью пользуются песни: «Великий комиссар»—Амина Умари (музыка М. Ашрафи), «Письмо матери»—Фаттаха (музыка Мушель), красноармейский марш — Чусти.

На русский язык переведены знаменитые поэмы Навои «Фархад и Ширин» «Лейли и Меджнун», его лирика; стихи и проза Бабура, Машраба, Мукими, высокие творения узбекского народа—«Рапушан-хан», «Алпамыш». Русский читатель познакомится с переводными романами Айбека, рассказами Каххара, с поэмами, стихами выдающихся поэтов Узбекистана.

Успехами нашей литературы, мы еще не можем быть довольны. Еще мало сделано в области развития прозы, драматургии, оставляет желать лучшего развитие детской литературы.

Мы переживаем суровые дни войны, но впереди—победа, она принесет нам радость и счастье. Узбекская литература—в прекрасном созвездии советских национальных культур—будет расти и укрепляться, как литература борьбы, литература победы и народного счастья. Она будет оружием в руках партии Ленина—Сталина и в дальнейшей борьбе за укрепление завоеваний Октября, за победу коммунизма, за торжество справедливости и свободы.

Н. ПОГОДИН

О ДРАМАТУРГИИ

В довоенные годы, — это относится примерно к тридцатым годам, — драматургию нашу называли передовым отрядом советской литературы. Термин неверный, ибо литературное движение нельзя механически уподоблять движению войска с его авангардами и тылами. В таком случае, куда мы отнесем, скажем, М. Шолохова, который в те времена у себя в Вешенской писал свой знаменитый роман «Поднятая целина»? Правильнее будет сказать, что драматургия наша была жизнедеятельной, весьма актуальной частью советской литературы и довольно успешно расширяла свой сценический путь. Драматургия наша, несомненно, радикально влияла на театр (идеи, образы, мировоззрение) и через театр — на широкие массы наших зрителей, так как только пьеса, поставленная на сцене, разыгранная перед зрителями, выполняет свое единственное предназначение.

Сказать просто, что времена расцвета советской драматургии были и прошли, по-моему, значит, ничего путного не сказать. Так как и высоты самого под'ема нашей драматургии были весьма относительными, — драма не дала ни Шолоховых, ни Маяковских.

Пьес пишется сейчас не меньше, чем писалось до войны, когда в Москве премьера следовала за премьерой и были годы, когда по установившейся традиции на праздники Октябрьской революции почти все московские театры и все театры страны ставили новые советские пьесы. В этом году случилось так, что ни один московский театр не выпустил к Октябрьским дням ни одного спектакля.

С театрами вопрос особый... Но пьесы есть. Есть налицо несомненные начинания. Юлий Чепурин своими народными сценами «Сталинградцы» обещает, что от него можно ждать серьезных реалистических картин современности. Гладков по-своему талантлив, есть у него чувство театральности, сценичность, а это условие немаловажное для драматического писателя. Борис Горбатов, завоевавший широкую популярность в прозе, достойно и серьезно выступает в драме. Надо отметить и «Сказку об Иване-царевиче» Вл. Гольдфельда, которая явилась нашим детям истинным праздником. Но не перечисляя всех новых авторов, которые пришли в драму за годы войны, можно без ошибки установить, что в свежих силах наша драматическая литература не оскудела, а приобрела.

И несмотря на то, что «Фронт» А. Корнейчука и «Русские люди» К. Симонова имеют чрезвычайно важное общественное значение, — и это отмечено по заслугам, — мы видим, однако, какое-то падение боевой жизнедеятельной силы нашей драматургии. Современных драматургов когда-то обвиняли в большой публицистичности, но где сейчас эта публицистичность? Нас корили за моментальные отпечатки быстротекущей жизни, но где теперь эти моментальные отпечатки? В. Катаев в своей инсценировке «Время, вперед» действовал, что называется, по живому вплоть до узнавания, а что теперь?.. Когда, казалось бы, пришло самое время дать ход остроте чувства современности и в прямом смысле слова откликаться на события, — произошло что-то другое. У нас не появилось пьес, подобных «Павлу Грекову»... Нельзя бесконечно указывать на единственный пример «Фронта». Конечно, «всякому овощу свое время», но я говорю об остроте чувства современности, которым отличалась пьеса «Павел Греков».

Вот три пьесы военного времени — «Песнь о черноморцах» Бор. Лавренева, «Мой друг полковник» Н. Вирты и «Небо Москвы» Г. Мгвани. Три пьесы — и три писателя, действующих в этих пьесах. И если у Мгвани писатель скромный и малозначащий, без которого, так сказать, «война обойдется», то у Вирты и Лавренева писатели так поставлены, что без них «война никак не обойдется». Смешно, нелепо, претенциозно, но не в этом дело. Материал, время и место действия — разные, особенные, но почему же так случилось, что каждому из авторов понадобилось по писателю?

Секрет такого анекдотического совпадения, на мой взгляд, кроется в том, что реализм и истинное чувство современности подменяются эффектом. Наверное, каждый из авторов думал об оригинальности — «впервые дать» литератора на войне и тем самым раскрыть роль нашей интеллигенции. А вышла не оригинальность, а тривиальность. Этот пример был бы неуместным, если бы оказывался единственным — мало ли таких совпадений бывает даже в сюжетах? Но в том-то и беда, что совпадений оказывается не так уж мало. И эти совпадения уводят вас куда-то далеко назад в литературу с ее давным-давно известными приемами и целыми сюжетами, когда, например, отцу во имя долга надо жертвовать сыном, — мотив известный, который при беспомощности автора в трагедии превращается из трагического в сердещипательный.

Подробные исследования заведут нас слишком далеко. Есть общее и главное в нашей драматургии, что позволяет говорить о некоторой растерянности перед новыми громадными явлениями войны. Но в то же время вспомним, что ни одна из войн немедленно не порождала одновременных произведений сцены. Было бы излишним самобичеванием никак не оценить и не понять усилий нашей драмы, честных и не всегда бесплодных намерений наших драматургов. Конечно, «Сталинградцы» молодого автора имеют все признаки робости перед величайшим событием современности, конечно, Лавренев в «Песне о черноморцах» не справился с задачей, которую себе поставил, но зритель ценит и принимает даже то малое, что там открыто, и за малым видит нечто большее.

Нужно также говорить об известном снижении мастерства при явном расхождении намерений и их практического осуществления. Тем более сейчас об этом надо говорить, когда драматурга никто не торопит. Так же точно — и, может быть, в первую очередь — следует гораздо строже относиться и к тому, что я называю растерянностью. Пора уже перевооружиться. Эскизы тем и образов, драматические реминисценции и собственные переневы, шаблоны, схемы, сочинительство, эффекты — все это долой.

Мы в долгу перед народом. Война еще не кончилась, она приносит новые громадные явления, но есть уже сценически законченные темы. Нельзя стоять на точке зрения каких-то абсолютных требований, когда в одном сценическом произведении хотят видеть всех и вся, но мы уже не можем говорить, что еще рано отбирать типические образы, что главное и самое прекрасное скрыто от нас вихрем событий. По некоторым тенденциям заметно, будто никакого долга нашего перед народом нет, и мы уже вполне достойно потрудились над «военной тематикой», ответили на все вопросы зрителя и знаменитые люди нашей войны, имена которых известны во всем мире, давно с триумфом шествуют по сцене. По некоторым признакам заметно, что уже хотят настроить скрипки на милые мотивы тихих радостей и, открывая старые литературные комоды, всматриваться в будущее, что там подойдет для так называемой «послевоенной драматургии». К тому же, кажется, опять найдутся совпадения более серьезные, чем три писателя в трех пьесах, когда театр получит стаями пьесы, например, о возвращении и восстановлении.

Даже при таком беглом и кратком рассмотрении вопроса о состоянии нашей драматургии можно видеть в итоге, что драматическим писателям необходимо серьезно разобраться в положении вещей и коллективными усилиями наметить пути развития советской драмы. Все мы понимаем, что наше время выдвигает перед нами широкие вопросы, трудные и благородные задачи, которых не решишь интуитивно в прекрасном одиночестве. Мы, как это ни странно, оторвались от театра в смысле широкого художественного содружества и общности задач, а в свое время трибуна Союза писателей занимала не последнее место в разрешении вопросов театральной жизни, которые никак не оторвешь от драматургии. Когда случается какой-нибудь «драматический казус» и появляется едкая критическая статья, то статьею дело и кончается. Короче говоря, в силу обстоятельств военного времени действующей секцией в Союзе писателей была только военная комиссия, что и вполне закономерно.

Теперь творческие секции снова возрождаются и возрождаются не из формальной необходимости. Налицо другие стимулы: необходимость творческого общения, потребность в серьезном анализе литературных явлений, в профессиональной самокритике.

Нашей драматургии, как и всей советской литературе, предстоит внести свой вклад в дело морально-политического разгрома фашизма, — разве такие вопросы решаются «наедине с самим собою»?

Драматургии нашей необходимо выйти на большую дорогу общественной жизни и коллективными усилиями труда и опыта завоевать свое место в советской литературе и свой престиж.

К 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова

Первое заседание Всесоюзного комитета по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Грибоедова состоялось на-днях под председательством Л. Леонова в Союзе советских писателей СССР. Члены комитета обсудили мероприятия, связанные с популяризацией творчества и увековечением памяти великого русского писателя.

Ответственный секретарь ССП СССР Д. Поликарпов сообщил план изданий, готовящихся к юбилею Грибоедова. Гослитиздат выпускает 100-тысячным тиражом «Горе от ума» под редакцией Н. Пиксанова с его вступительной статьей и комментариями. Издается однотомник произведений писателя под редакцией В. Орлова. Однотомник включает «Горе от ума» и все драматические произведения, стихотворения, статьи и корреспонденции А. С. Грибоедова. Издательство выпускает также 100-тысячным тиражом очерк, посвященный жизни и творчеству Грибоедова.

В издательстве «Советский писатель» выходит монография Н. Пиксанова «А. С. Грибоедов». Тираж — 25 тысяч.

«Горе от ума» выходит также в Детгизе (тираж 50 тысяч) и в издательстве «Искусство» (тираж 5 тысяч). Издательство «Искусство» выпускает также массовым тиражом портрет А. С. Грибоедова и плакат, посвященный писателю.

«Молодая гвардия» издает сборник «Молодежная эстрада», в котором будет напечатана пьеса «Горе от ума».

В связи с юбилеем Академия наук СССР предполагает издать полное собрание сочинений Грибоедова.

Научные учреждения Москвы ознаменуют юбилей Грибоедова организацией сессии, вечеров, выставок. Ряд московских театров возобновит постановки знаменитой грибоедовской комедии на своих сценах.

Московский государственный университет, в котором учился А. С. Грибоедов, ознаменует 150-летие со дня рождения писателя выпуском сборника «Грибоедов и московский университет», содержащего архивные документы и материалы, связанные с пребыванием писателя в университете. Будет прочитан цикл лекций «Грибоедов и его время».

К юбилею Грибоедова ведется подготовка и в союзных республиках. Однотомник произведений писателя выпускается в Грузии. Работу «Грибоедов и грузинская культура» подготовил к печати доцент Тбилисского университета В. Шадури.

Над новым переводом «Горе от ума» работает М. Рыльский.

Л. ДМИТРИЕВ

„Октябрь" № 7-8

Если предположить, что всякая новая книжка толстого журнала оправдывает свой выход в свет, когда она приносит хоть одно произведение, способное остаться в литературе, то для седьмой-восьмой книжки «Октября» таким «оправданием», несомненно, является маленькая поэма Ст. Щипачева «Домик в Шушенском».

Поэма эта пронизана тем острым, непосредственным ощущением истории, которое особенно укрепилось в нас в дни великой войны.

Горит свеча, чуть-чуть колеблет тени..
Село до ставней вьюги замели.
Но здесь, где трудится где мыслит Ленин,
Здесь, в Шушенском, проходит ось земли.

Образ Ленина в поэме, очень живой, ощутимый, очень конкретный, все время виден в свете его исторического дела.

Уж за полночь, окно бело от снега,
А он все пишет, строчки горячи,
Сквозь вьюги девятнадцатого века,
Двадцатый век, он разглядел тебя
И он уж знает, в чем России сила,
И чем грядущее озарено.
Пускай еще не высохли чернила,
Слоям уже бессмертие дано.

Мысль о Ленине органично и естественно сливается в поэме с мыслью о России, ее великом народе, об учениках и соратниках Ленина. Складываются, определяются пути истории; зреют, формируются силы, положившие начало новой эпохи, силы, которые в грядущих «бурях века» вели советский народ к победам всемирно-исторического значения.

Написанный по-настоящему просто, с полной свободой лирического чувства, «Домик в Шушенском» не может не обрадовать читателя. Мысль поэта здесь поднялась от частных наблюдений до больших исторических обобщений.

Кроме «Домика в Шушенском», читатель увидит в журнале, как всегда, сердечные, истинно поэтические стихи М. Исаковского, «Балладу о Саре» И. Сельвинского, «Возвращение» А. Кулешова и др.

Центральной вещью в отделе прозы является повесть В. Василевской «Просто любовь».

Говорить об этой повести в кратком обзоре трудно, настолько важна и остра затронутая в ней тема.

В повести рассказывается о том, как медицинская сестра Мария после ложного извещения о гибели горячо любимого мужа встречается с ним. Теперь это калека с обезображенным лицом. Мария, так жаждавшая этой встречи, сначала отворачивается от мужа, затем возвращает ему свое чувство. Страницы повести, в которых описывается ужас женщины, почувствовавшей холодную пустоту в сердце, только что казавшемся переполненным любовью, и страницы, описывающие возрождение чувства, написаны сильно и врезаются в память. Ванда Василевская, острее и глубже многих других наших писателей почувствовавшая в «Радуге» трагически сурову атмосферу войны, сумевшая передать и глубину народных страданий, и величие народного подвига, здесь, в этой новой повести, иногда допускает излишнюю замкнутость в сфере душевных конфликтов.

Начат печатанием в этой книжке «Октября» роман Ю. Слезкина «Брусилов». Писать книгу на материале, только что использованном другим автором, нелегко, ибо книга получит, так сказать, свое право на существование в литературе, разумеется, лишь в том случае, если осветит материал с какой-то не увиденной предшественником стороны. То, что мы узнаем в напечатанной части романа о его «частном», если можно так выразиться, герое — офицере Игоре Смоличе, дает основание полагать, что Слезкин намерен показать в своей книге никак не показанную в «Брусиловском прорыве» жизнь и работу партии большевиков в эпоху первой империалистической войны. Удастся ли это Слезкину, покажет будущее. Пока что образ Игоря — двадцатилетнего ад'ютанта Брусилова — намечается если и не очень своеобразными, то все же запоминающимися чертами человека, ищущего правды, преданного идее и долгу.

Разговор о продолжающемся печатанием романе В. Каверина «Два капитана» приходится отложить до появления окончания романа.

Переходя к отделу критики и публицистики в журнале, прежде всего хочется отметить внимание журнала к библиографии. На протяжении уже многих месяцев читатель «Октября» получает если и не широкую, то все же регулярную информацию о выходящих книгах. В настоящем номере библиографический раздел посвящен изданиям, приуроченным к юбилею Чехова.

В номере помещены неиздававшиеся ранее письма А. П. Чехова к А. И. Куприну, К. М. Фофанову, А. М. Федорову и Н. М. Ежову, воспоминания С. Л. Толстого о Чехове и две статьи: Д. Заславского «Мечта Чехова» и М. Морозова «Чехов в оценке английской и американской критики». М. Морозов показывает огромное по глубине и масштабам влияние Чехова на английскую и американскую литературы.

Хуже обстоит дело с критикой современной литературы. В книжке помещена только одна статья — В. Стамбулова о пьесе А. Крона «Глубокая разведка». Но не может одна статья об одном произведении представлять в журнале критику. Ибо критика только тогда и начинает существовать именно как критика, когда читатель находит в ней мысли об общем развитии литературы, о возникающих в процессе этого развития принципиальных вопросах искусства и жизни.

◇ ◇ ◇

Детгиз выпускает новую книгу С. Маршака «Английские народные песенки», иллюстрированную худ. Ю. Васнецовым. На снимке: обложка и один из рисунков книги.

„Книга за книгой"

В Детгизе находятся в производстве и на-днях выйдут первые 6 книг из серии «Книга за книгой» — библиотечка для среднего и старшего возраста. Библиотечка состоит из произведений советских писателей. На снимке: обложки первых книг этой серии — К. Симонов «Сын артиллериста», Алексей Толстой «Русский характер», Сергей Михалков «Мать», Аркадий Гайдар «Храброе сердце», П. Бажов «Иванко Крылатко» и Арк. Кулешов «Комсомольский билет».

В. ПЕРЦОВ

„Литературный Воронеж"

Этот альманах возник незадолго до войны. Небольшая книжка «Литературного Воронежа», вышедшая недавно, — не просто книжка, но и знак того, что сейчас же вслед за изгнанием врага с воронежской земли основные литературные силы Воронежа вновь собрались в родном городе и принялись за работу. В сборнике есть рассказы и стихи воронежских писателей-фронтовиков, есть и новые имена. Весь материал его посвящен Отечественной войне. Чувствуется, что авторы так полны современностью, что ни о чем другом говорить не хотят, да, пожалуй, и не могут. У воронежцев есть личные счеты с врагом, причинившим огромные разрушения их прекрасному городу, они немало повидали за время войны, среди них есть способные люди — таково общее впечатление от сборника. Его составители хотели, повидимому, возможно шире представить воронежский писательский коллектив. Желание это понятно. Но оно привело к тому, что материал сборника получился слишком неравноценным: многие рассказы оставляют впечатление чего-то незаконченного и не до конца понятого самими авторами. Главная их беда — иллюстративность. Прочитав, например, «Хозяин» В. Ющенко, «У проруби» И. Осыкова, или «Бабушка» М. Подобедова, убеждаешься в этом. Такие вещи мало что дают для познания жизни, хотя, повидимому, они основаны на реальных фактах. Ф. Тулинов даже озаглавил цикл своих рассказов «Фронтовые были», рассчитывая, вероятно, таким образом завоевать доверие читателя. Как будто все дело в том, что художник ничего не выдумал! «Фронтовые были» Ф. Тулинова воспринимаются как исключительные случаи: им и веришь, и не веришь.

В сборнике помещен цикл стихов К. Гусева, посвященных друзьям,—«Кто в битве пал», К. Гусев — интересный поэт и переводчик Гарсиа Лорка, мы знаем его вещи, более удачные, чем те, которые нашли себе место в сборнике. Недостаток этих стихотворений — в их отвлеченности, в какой-то обезличенности лирического героя.

Я здесь остался отзвуком, сравненьем,
Суровым эхом гор, истертых в прах,
Их страстной речью новым поколеньям.

— обращается поэт к ушедшим друзьям. Но если К. Гусев согласен с тем, что поэт — эхо, то он должен быть эхом жизни, а не литературных сравнений. К сожалению, во многом стихи К. Гусева остаются «отзвуком» книг. Мы ждем от К. Гусева стихов конкретных, подлинно «страстной речи».

Из прозы сборника нужно отметить рассказ Н. Алехина «Сторож музея» и повесть А. Шубина «Рота идет в наступленье». В повести Шубина есть хорошие места. Автор знает фронтовой быт не понаслышке и умеет его изображать. Интересно задуман образ разведчика Засухина — молчаливого «ночного человека», как он сам себя называет. Хорошо переданы его мастерство и хватка разведчика. Однако образ Засухина все-таки остается неясным. В конце повести автор описывает подвиг Засухина, жертвующего собой, чтобы обеспечить роте наступление. Автор хочет подвести читателя к героическому поступку Засухина через его своеобразную философию, он пытается показать «глубокость» своего героя. Но желая найти особенное, личное в Засухине, автор делает его чудаком, «странным» человеком. Многое остается непонятным, есть положения фальшивые. Непонятно, почему Засухин — «ночной» человек, непонятно, вообще, что он за человек. Засухин обращается к лейтенанту Трофимову перед уходом на боевое задание:

«— Разрешите спросить, товарищ лейтенант?.. Вот мы с вами ночью разговаривали — смешно вам было?

— Чего ж смешного? Мыслите вы интересно, только...

— Что только?

— Фантазер вы очень большой, товарищ Засухин. Не каждый вас поймет.

— А вы поняли?

— Понял, — улыбаясь, проговорил Трофимов. — Я вас хорошо понял.

— Значит, и то теперь ясно, что я ночным человеком считаю?

— Это еще не совсем...»

На этой игре в собственную загадочность нельзя раскрыть человека, нельзя добиться индивидуализации образа. Есть фальшь в том, что Засухин смотрит на себя со стороны, «интересничает».

«Сторож музея» Н. Алехина привлекает своей попыткой поднять серьезную тему. Советская культура выражается не только в громадном творчестве нового, но и в наследовании лучшего в старой культуре, в бережном, родственном внимании к культурным ценностям прошлого. Это понимает герой рассказа Н. Алехина, старик-сторож, влюбленный в картины, которые он охраняет. Грозно звучат слова старика, вернувшегося в свой музей, разгромленный фашистскими варварами: «Нет, не люди вы, немцы...».

Неудачен рассказ М. Сергеенко «Немец» — писателя культурного, от которого мы имеем все основания ждать значительного произведения. Герой рассказа красноармеец Ковальчук, которому поручено было доставить в штаб пленного немца, тронутый его жалким видом, почувствовал к нему «что-то похожее на жалость». Ковальчук дает немцу сухарь. У пленного падает на снег мешочек с золотыми коронками. «Рука сама вскинула винтовку».

Страшная улика эта, конечно, реальна. Но если бы не было такой страшной улики, то разве не заслуживал бы ненависти всякий фашистский солдат, убийца и вор, которого, может быть, и не удалось поймать с поличным?

Составителям «Литературного Воронежа» нужно пожелать на будущее время большей строгости в отборе материала. В творческих планах воронежских литераторов современная тема главенствует. В какой мере она должна получить местный характер? На совещании писателей РСФСР, происходившем в Союзе писателей весной этого года, все участники сошлись в понимании «областной темы». Не существует особой воронежской, омской, свердловской литературы, есть русская литература советской эпохи. Пишите о том, что вокруг вас, что вы знаете лучше всего, но пишите для всех! — этот девиз совещания нужно помнить.

«Литературный Воронеж». Литературно-художественный сборник. Воронежское областное книгоиздательство 1944.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ТЫНЯНОВ

В самом начале тридцатых годов мне, как представителю одного из московских театров, пришлось быть у Тынянова и договариваться о его будущей пьесе.

Сама эта возможность: попробовать силы на новом поприще, в новом для него жанре была не только увлекательна для писателя, но и характерна для его разностороннего, далеко не до конца проявившегося дарования.

Тынянов поделился своим замыслом. Он задумал пьесу из времен французской революции. Главным его героем должен был быть русский человек, граф Строганов — «русский якобинец», как его называл Тынянов. Исторический материал об этом человеке был им уже собран. Эта фигура давала ему возможность свежего и острого ракурса на события бурной эпохи. Был задуман ряд пестрых и действенных сцен. Среди действующих лиц он называл и Марата, и председателя революционного трибунала Фукье Тонвиля, и знаменитую артистку—попутчицу революции Теруань де Мерикур, и множество других исторических и выдуманных им персонажей. Во всем этом намечались черты пафоса и юмора, которые поистине могли бы стать находкой для театра. Дело это впоследствии не вытанцовалось, Юрий Николаевич оставил мысль о пьесе ради других своих рабочих планов.

Проходили годы, значительные в жизни человека и в жизни всей нашей страны. Тынянов рос как писатель. Появились его романы, прославившие автора по всему Союзу и за пределами нашей родины. Все резче и резче определялся и основной его по постоянству интерес: к началу XIX века, к русскому обществу Пушкинской эпохи, к самому Пушкину.

В один из последних дней декабря 1939 года, в затемненном во время финской войны Ленинграде, Тынянов, уже тяжело больной, читал сцены из незаконченной своей драмы о Кюхельбекере. Драма эта во многом отличается от романа. Не только потому, что она — драма, и, стало быть, драматичнее и сконденсированнее, нежели медлительное повествование на сотнях страниц. Не только потому также, что Тынянов нашел новый материал о своем герое.

Новизна этой драмы заключалась в том, как неожиданно и остро оказалась в ней оживленной и приближенной история. Было бы грубым и неверным сказать, что в повествовании об одном из русских поэтов, живших за сто лет до нас, художник вложил черты антифашистского памфлета. Конечно, дело не так просто и не так плоско. Тынянов разглядел и проследил в далеком прошлом — и в этом была сущность его исторической интуиции — широко разветвленный заговор против русской прогрессивной молодежи. Заговор этот, возглавляемый Бенкендорфами и Дуббельтами, стоил жизни и Пушкину, и Грибоедову, и Полежаеву, и многим другим, — среди них Кюхельбекер. Впоследствии его жертвой оказался и Лермонтов.

Немецкие «охранники» из Третьего отделения применяли методы сложной и тонкой провокации, они действовали осторожно, в лайковых перчатках, они понимали, что играют с огнем народного мятежа, который может их испепелить.

Все это было показано в пьесе Тынянова с большой силой и убедительностью.

Этот пример характерен для исторического и художественного метода писателя. История никогда не была для него «маскарадом идей», как это иногда случается в исторической романистике, когда в античных или иных декорациях действуют чуть-чуть загримированные современники автора. Но тем не менее исторический роман в руках Тынянова — живое оружие, живой инструмент в сегодняшней человеческой борьбе. Говоря о деятелях прошлого, Тынянов прежде всего помнит о нашей связи с ними, помнит о том, чем мы обязаны его героям. Вместо того, чтобы переселять современников в страну мертвецов, он воскрешает мертвых и предельно приближает их к нам. И это, конечно, лучший, если не единственно плодотворный, способ исторического искусства.

Может быть, самый показательный бой дан был Тыняновым на самом ответственном участке его работы: на романизированной биографии Пушкина. Создание это — многотомный роман, с огромным числом действующих лиц — труд всей жизни Тынянова. Оно осталось, к несчастью, незаконченным. Но и сейчас можно говорить не только о замысле, но и о том, как замысел воплощен. Ведь два тома Тынянова романа охватили всю молодость Пушкина, целое двадцатилетие личной и народной жизни.

Тынянов проследил развитие мальчика — отрока и юноши с филигранной точностью. Здесь соединились знание и интуиция, документ и вымысел, точный анализ и смелая догадка.

Тынянов рассказывает о том, как из ребенка вырастает гений, с каким совершенством, дарованным самой природой, выпрямляется этот прекрасный юношеский ствол. Это он, Тынянов, а отнюдь не дедушка-араб, склонился над колыбелью в светлице у Надежды Осиповны Пушкиной, урожденной Аннибал, в те дни, когда там лежал только что родившийся на свет смуглый мальчуган, в последние дни и часы роскошного восемнадцатого века. Это он, Тынянов, а не гувернеры, и не мамки, был рядом с этим смуглым мальчиком во все дни его роста. Во всяком случае, в этом убеждает сила изобразительного искусства.

При этом искусство писателя направлено в одну сторону, на доказательство одной тезы, одной мысли, главенствующей в романе. Тынянов показывает рост человеческого самосознания и рост национального самосознания в человеке. Он показывает, как исподволь, неожиданными маленькими толчками назревало в Пушкине сознание себя частицей народа. Показывает также, что и как этому помогало, каким взрывом патриотического одушевления обозначился для мальчика Двенадцатый год.

Скупые страницы романа, посвященные Двенадцатому году, великолепны. Тынянову пришлось вступить в состязание с очень многим в нашей литературе и в нашей памяти. Перед ним стояла огромная тень толстовской эпопеи. Тынянов выдержал испытание с честью. Мы видим, как, тесно сгрудившись в коридорах Лицея, шепчутся мальчики о потрясающих новостях; как каждый выбирает себе героя; как долговязый Кюхля стал поклонником Барклая де Толли и потом разочаровался в нем, ошеломленный новыми слухами. Тынянов рассказывает о том, как впервые в мальчике-Пушкине возникло непосредственное чувство огромной родной страны и как тесно связано это чувство с впечатлениями войны: «Мысль, что по этой дороге, которая, вероятно, ничем не отличалась от той, по которой он ехал с дядей Василием Львовичем, скакали чужие лошади, чужие нарядные всадники, тяготила его. Они узнавали теперь географию по этому движению. Россия оказалась полной городов, сел и деревень, названия которых они с удивлением читали в реляциях. Враг был уже около Смоленска». Наши дети будут вчитываться в эти строки, узнавая в них свои собственные чувства! Война проходит в романе стороной. На этих страницах нет ее непосредственных участников. Зато как свежо показано бегство населения из занятой неприятелем Москвы, на образе одной барской семьи братьев Пушкиных, Сергея и Василия Львовичей. Тынянов с трогательным юмором угадал живые характеры чудаков, безденежных московских дворян в столкновении с жестокой и разорительной эвакуацией. Он угадал также, что единственный человек из семьи, крепостная нянька Арина, вспомнила в эти часы о мальчике, отрезанном от родных, где-то далеко под Петербургом, в Царском селе.

«...Собралась она, впрочем, безропотно, но, от'ехав верст с двадцать, начала утирать глаза и даже слегка тихонько подвывать... На первой же остановке Арина исчезла. Хватились — и увидели: увязав в платочке сухари, она идет по дороге. Ее догнали и привели...»

Конечно, крепостную няньку никуда не отпустили. Конечно, весь этот эпизод выдуман Тыняновым. Для того, чтобы заметить на осенней нижегородской дороге прыгнувшую с барского возка маленькую фигурку, увязавшую в платочек сухари и кинувшуюся куда-то в несусветно-дикую даль, за многие сотни несчитанных верст, в Петербург — «Александра Сергеевича повидать»... для этого надо быть зорким художником и знатоком человеческого сердца. Этот дар Тынянова хочется назвать «диккенсовским». Здесь трогательное и смешное сплелось в один благословенный клубок, который называется жизнью. Она прихотлива и неразборчива, легко соединяет великое с маленьким, потрясает и смешит в одно и то же время. Это и есть правда.

Роман Тынянова остался недописанным. Не только потому, что не доведен до конца общий план. Роман недописан и внутри. Недорассказаны главы и куски глав. В нем все пребывает в движении, в становлении. Этот бегущий поток называется жизнью. В этом трудность романа и его ценность. Каждое из действующих лиц — а их немало в тыняновском повествовании, и все они известны читателю с детства — появляется устремленным к своему историческому будущему, в споре с настоящим, в центре бегущего жизненного потока. Даже незапамятно-старый Державин, сонный чародей умирающего роскошного века, освещен у Тынянова беглыми вспышками мыслей о посмертной славе, о памятнике. И этот спор семидесятилетнего старика с угасающим сознанием показан в чудеснейший час его жизни, когда в актовом зале Лицея Пушкин читал, глядя прямо в глаза старику и прямо к нему обращаясь, свои «Воспоминания в Царском селе». Старческая рука бессознательно и тем более настойчиво отбивает такт стиха. «В забвении потянулся он за аспидной доской, чтобы сразу начать писать, и рука его повисла в воздухе...» Этот нелепый, самозабвенный жест говорит о Державине больше, нежели многостраничная монография.

В таком же напряжении, в споре с самим собой, с временем является Карамзин, дописывающий свою историю, — Карамзин, впервые читающий предисловие к ней юношам-лицеистам и угадывающий по их глазам, что сказано верно и правдиво, что надо изменить. Это тот же вихрь творческого становления. Тынянов и тут занят «сквозным действием» романа; он показывает, как одновременно во многих передовых умах эпохи выкристаллизовалось национальное самосознание. Признание лицеистов, их волнение — высшая награда для Карамзина: «И когда он, кончив, захотел припомнить еще раз первую страницу, Пушкин быстро прочел ему по памяти. И в первый раз за все время, когда приходилось униженно ждать высочайшего приема, приходилось скрывать от жены тоску, пустоту, старость, приходилось улыбаться, стареющий писатель почувствовал счастье. Он встал и, пройдя мимо Пушкина, коснулся руки его. За дверью он отер слезы...»

Неоконченный, данный сразу во многих планах, и отрывистый, подчас понятный партнерам с полуслова и по молчаливым намекам, спор наполняет страницы романа. Спор идет об одном: о России, о ее народе, о будущем народа.

Третья, последняя из дописанных частей романа о Пушкине кончается вместе с его юностью, кончается ссылкой на юг. И это невольное странствие Пушкина осмыслено Тыняновым в свете его основной тезы: рост в Пушкине национального самосознания.

«Подлинно он узнавал родину во всю ширь и мощь ее больших дорог... Он впервые услышал живую русскую песню. Ямщик пел. Так вот она какова русская песня! Неторопливая, печальная, раздумчива. Он с жадностью слушал час, другой, третий...»

В 1937 году на торжественном пленуме Союза советских писателей, посвященном столетию со дня смерти Пушкина, Тынянов произнес многими запомнившуюся речь. Он кончил ее знаменательным восклицанием:

— Он еще очень молод, этот старик! Молодость, своевременность, насущность Пушкина и всей прошлой русской культуры была основным центральным убеждением его писательской жизни и деятельности. Он искал в прошлом не музейные экспонаты, не архивную пыль, а предков, которые борются на стороне живых и вместе с живыми побеждают.

Тынянов умер год тому назад, 20 декабря 1943 года. Вспомнить о нем сегодня заставил нас не долг, а живая потребность общения с замечательным современником. Он тоже еще очень молод, этот старик!

Первый русский переводчик рун „Калевалы"

Поэт и публицист Ф. Глинка, автор «Писем русского офицера» (посвященных описанию Отечественной войны и кампании 1813-1815 гг.), за связь с декабристами был сослан в 1826 г. в Петрозаводск. В ссылке поэт пробыл несколько лет. Он живо интересовался бытом и фольклором карело-финского народа.

Собиранием старинных народных былин занимался в то время финский ученый, писатель Элиас Ленрот. Он прошел большие пространства восточной Финляндии, топи и леса северной Карелии, записывая народный эпос. Впоследствии с дополнительными записями Ленрот издает «Калевалу» — сборник рун.

В то время, когда Элиас Ленрот собирал и записывал карело-финский эпос, Ф. Глинка познакомился с проф. Шегреном и, получив от него подстрочники карело-финских рун, первый из русских поэтов перевел их на русский язык; эти переводы до сих пор не были известны. В 1941 г. они обнаружены в архиве поэта и будут опубликованы в книге В. Базанова «Ф. Глинка и Г. Державин в Карелии». Переводы Глинки отличаются большой поэтичностью, в особенности это относится к переводу одной из центральных рун «Калевалы»—о вещем певце Вейнемейнене, играющем на кантеле.

В книге Базанова приводятся и другие материалы о жизни и пребывании Ф. Глинки в Карелии, о его любви к этому краю.

М. ВОЛОДИН

НЕВЕРНЫЕ СЛОВА

Сергей Васильев убежден в том, что «трилогия» его «возникла не случайно». В предисловии к поэме он рассказывает, как проездом в одном уральском колхозном селенье он увидел незаконченный портрет красного партизанского командира времен гражданской войны. Владелец портрета сообщил автору будущей трилогии кое-какие сведения об оригинале. После этого поэт «всю ночь»... не мог заснуть. Завидной и счастливой показалась... мысль воскресить в стихах образ красного воина, черты которого были изображены на сером холсте в кленовой раме.

Как видим, вопреки убеждению Сергея Васильева, книга его написана по вполне случайному поводу. Но, может быть, сам по себе случайный повод помог окончательно выкристаллизоваться давно уже созревшему и выношенному замыслу? Анализ самой поэмы не подтверждает этого. Все здесь случайно: от повода и заголовка до последней детали выполнения.

Личность героя, пластический образ, эпический характер в поэме отсутствуют. Все, на что оказались способными «горячащееся воображение» и беспокойная, толкающая к столу выдумка стихотворца, свелось к составлению некоей архибезупречной социальной анкеты. Мы узнаем, что герой родился в семье беднейшего крестьянина, с детства побывал в кабале у стопроцентного кулака, потом ушел пешком на заработки в Москву, в дальнейшем попал рабочим на завод, принимал участие в забастовках, после чего, в качестве рядового солдата, попал на фронт первой мировой войны, по возвращении оттуда примкнул к большевикам.

Эту показательную схему, в сущности, только и воспевает Сергей Васильев в своей бесконечно растянутой трилогии. Но, подобно тому, как самые лучшие рифмы не составляют еще сокровенной сути поэзии, точно так же и превосходнейшие из анкет не в состоянии заменить в поэзии могучие, яркие, пленительные человеческие образы, ради которых только и стоит создавать трилогии из две тысячи и более строк.

По мере сил Сергей Васильев пытается «оживить» анкету своего героя бытовыми подробностями, лирическими вставками, всевозможными эпизодами сюжетного свойства. Это не спасает положения: схема остается схемой.

Сергей Васильев не изводит «единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Вот характернейший образец, один из множества подобных. Терзаемый кулаком-эксплоататором, юный герой вымещает свои обиды на вверенном его попечению гусаке, крайне злонравной и недисциплинированной птице.

И берет Алексашка того гусака,
Распинает его на току.
Заправляет рогейник ему под бока
И вставляет перо гусаку!
Ненавистная птица
Встает на дыбы (?!).
Вырывается,
К дому летит,
Подымает под окнами
Пыли клубы.
Тарарам учиняет в клети

(стр. 13—14).

Это происходит в первой главе «трилогии», а в главе десятой, прочно позабыв о «вставшем на дыбы» гусаке, Сергей Васильев в следующих выражениях описывает бесчинства белых в родном селе героя:

Ночь холодная, сырая;
Но (?) сквозь ветреную тьму
Ясно (?) видно из сарая,
Кто зачем
и что к чему
С головой
Укрыты мглою (?!),
Учинил тарарам.
С медной лампой под полою
Рыщут волки по дворам
Выметают (!) подчистую
Онемелое село.

и т. д. и т. п. (стр. 120).

Тьма, сквозь которую «ясно видно, кто, зачем и что к чему»! «Мгла» (т. е. туман, надо полагать), которая, невзирая на ветер и упомянутую прозрачную тьму «с головой (видимо, наподобие одеяла!) укрывает» белогвардейских волков! Названные волки, которые, «учиняя тарарам», рыщут по дворам «с медной лампой под полою» и «выметают подчистую онемелое село», точно село, хотя бы и «онемелое», это — сор, который можно откуда-то вымести!..

Есть ли во всем этом хоть одно слово, хоть один звук, о которых можно было бы сказать: вот это настоящее слово: вот это единственно возможный в данном случае эпитет, вот это истинно поэтический образ? Но именно курьез представляет в обеих цитатах примитивное звукоподражание — «учиняет тарарам», с одинаковым безразличием отнесенное и к поведению домашней птицы и к кровавым злодеяниям белогвардейщины. Тяжелый случай поэтической глухоты. А ведь последняя нередко переходит у автора поэмы в глухоту смысловую, в прямое искажение действительного значения самых простых слов. На стр. 7, например, читаем:

По холодному пологу утренних рос
. . . . . .
Алексашка пошел боронить

Как известно, полог есть то, что простирается не под нашими ногами, а над нашей головой, и поэтому ходить и боронить «по холодному пологу утренних рос» способен только человек, не вполне твердый... в русском языке.

У героя «трилогии» Алексашки Черенка повесился старший брат. Алексашка пытается вынуть брата из петли.

Труп, казалось, подался.
Но тут же осел
И бессмысленно
Замер стоймя.

(стр. 29).

Замерший труп! Стоймя осевший и бессмысленно замерший труп! Это ли не рекорд!

Не лучше, если не хуже, обстоит дело у Васильева и с простейшими фактами реальной жизни. Мы помним, что на стр. 7 «Алексашка» пошел боронить «по холодному пологу утренних рос». Это само по себе фантастическое предприятие дало вполне фантастические результаты. На стр. 8 мы узнаем, что:

Весь в поту и пыли (?!)
Алексашка
Старался, как мог,
И ложились пласты
Обновленной земли
У босых алексашиных ног.

Видел ли когда-нибудь Васильев, как и чем разрыхляют почву для будущего посева? Знает ли он разницу между боронованием и пахотой? Сто против одного, что и видел и знает. Тем хуже для него, как для писателя.

На стр. 24 рассказывается, какие обязанности нес юный герой в хозяйстве кулака-мироеда.

Алексашка скотину поил, Начищал
Оцинкованный дойник худой

«Дойник худой» понадобился Васильеву несомненно, только для рифмы, так как через строку выясняется, что герой обязан был мыть пролетку «горячей водой». Так рифма восторжествовала над здравым смыслом: худой, т. е. дырявый, протекающий дойник превращен поэтом в постоянную принадлежность крепкого кулацкого хозяйства.

Впрочем, поэма Васильева представляет собой буквально неиссякаемый источник подобных же примеров, и цитировать их без конца нет возможности. Там, где автор избегает бессмыслицы, он находится во власти самого удручающего и, как всегда, неточного трафарета. Вот, например, портрет кулака:

Он и сам-то, хозяин, как боров, здоров.
Рожа — свеклою,
Ноги — дугой.
По всему Белополью на сотни
дворов
Не найдется такой же другой.

(стр. 9).

О белогвардейцах:

Спереди —
капителевские дозоры
стоят,
глазами не шевеля (?!).
в твердых ошейниках, как «трезоры»
его величества короля.

(стр. 141).

Дозоры — как «трезоры» короля. Какого короля? И почему «трезоры», а не «барбосы»? Конечно, потому, что этого требует ее величество Рифма, которую Сергей Васильев принимает за единственно полновластную музу — повелительницу поэзии — и которой он служит, поистине «глазами не шевеля».

Вот, наконец, типичный для всей поэмы образец лирической вставки. «Алексашка», уже в роли партизанского командира, пишет в перерыве между двумя боями молодой жене, от которой ждет ребенка:

Кого же ты, ласточка, мне принесла?
Устал я томиться, гадая.
Труднее гадания
нет ремесла,
на каждом шагу — запятая.
Никак не могу до конца докопать,
чем далее — тем беспокойней:
то девка выходит,
то паренек опять,
то дело кончается двойней.
А если девчонка —
так что с нее взять?
Турнем ее замуж, и крышка.
Найдется же в жизни порядочный зять.

и т. п. и т. п. (стр. 131).

Если читатель захочет сделать отсюда тот вывод, что герой трилогии не слишком умен, то мы должны будем все-таки взять «Алексашку» под свою защиту: это не его вина, не его вина... Сергей Васильев снабдил своего героя безупречной социальной биографией, он окрестил его и «лихим пареньком» и «степным орлом», но он сделал его революционером только по нужде и не позаботился наделить острым умом и повышенными духовными запросами, которые только и делают подобных «пареньков» орлами, выдвигают их в ряды народных вожаков.

Благодарная и благородная задача создать типовой поэтический образ нашего современника, героя революционных битв оказалась не по плечу С. Васильеву. Духовные возможности автора оказались ниже того, к чему обязывал материал.

С трудом отыщется во всей трилогии несколько десятков строк, которые хоть немного радовали бы глаз и ухо неподдельной поэтичностью, да и эти искры вдохновения глохнут в массе шлака. Но вот мы, наконец, благополучно пробились сквозь рыхлую толщу поэмы к финалу. Под последней строкой красуется дата: Москва 1938—43 гг. Но монументальный эпос — не арифметическая и не календарная категория. Ни бесчисленные строки, ни внушительные хронологические даты не сделают поэму Сергея Васильева монументальной, как не придают ей подлинной народности ни лихо-простецкие интонации, ни щеголяние квазипростонародными или сугубо местными словечками и выражениями (обязательно «стежка» вместо «тропинка», «продувной» зипун вместо рваный, ветхий зипун и пр.), ни широкое применение терминов «сволочь», «паскуда», «тварь», «сукин сын» в качестве художественных характеристик. Народность и эпичность состоят из совсем другого вещества, а монументы сооружаются из совсем иного материала.

В цитированном уже предисловии Сергей Васильев пишет: «Теперь, когда гордый русский народ самоотверженно отражает нашествие на нашу землю немецко-фашистских банд, история Александра Черенка должна напомнить читателям о славных традициях нашего недавнего прошлого». Весьма почтенный и нужный замысел, но по плечу ли он поэту, у которого в таком пренебрежении славные традиции великой русской поэзии? Когда бессмертный Маяковский писал о поэзии, как о добыче радия — «в грамм добыча, в год труды»,—он имел в виду не только себя. Он имел в виду и традиции своих великих русских предшественников и одновременно обращался к своим поэтическим наследникам. Если не от каждого из поэтов — наших современников мы вправе требовать столь же высоких свершений, то столь же принципиального, подвижнического отношения к делу мы можем и должны требовать от каждого. В грандиозной и победоносной борьбе нашего народа против немецко-фашистского нашествия русское поэтическое слово тоже играет свою особую и притом выдающуюся роль. Тем более ревниво должны мы следить за сохранностью, чистотою, дальнейшим совершенствованием этого грозного и тонкого, старого и вечно нового оружия. Тем менее мы можем мириться с появлением книг, подобных «трилогии» Сергея Васильева. Если пройти мимо этого явления молча, оно неизбежно приобретает заразительную силу дурного примера. Этого нельзя допускать также и ради самого поэта, который в других случаях сумел показать, что он способен на лучшее. Вот какими соображениями продиктована эта резкая, но, на мой взгляд, совершенно необходимая рецензия.

Сергей Васильев. Портрет партизана. ОГИЗ — Гослитиздат. Москва, 1944.

М. НЕЧКИНА

Грибоедов и его эпоха

Грибоедовское время — это время Пушкина и декабристов, «грозы двенадцатого года», и волнений Семеновского полка, время великих событий и деятельности замечательных русских людей. Но это живое дыхание эпохи ушло из биографического трафарета, установленного работами вульгарных социологов. Они, клевеща на великого писателя, об'явили его «барином» и «дэнди», равнодушным созерцателем политического кипения своего времени, а пьесу «Горе от ума» ославили «самой барской» пьесой русской литературы.

Привлечем данные эпохи, соберем по крупицам неизученный материал, проверим привычные цитаты, еще раз вдумаемся в известные первоисточники, заглянем в неисследованные архивы грибоедовских современников и в фонд следствия над декабристами — и картина окажется совсем иной, чем ее рисовали вульгарные социологи в угоду своим антинаучным, антинародным позициям. Многие документы не дошли до нас, многие голоса невозвратимо умолкли, но все-таки по крупицам восстановленная действительность многое может об'яснить в творчестве писателя.

Одновременно с Грибоедовым в университетском пансионе и Московском университете училось не менее 26 будущих декабристов. Мы встречаем тут имена декабристов Каховского, С. Трубецкого, Якубовича, Никиты Муравьева, Вадковского, Крюкова, Артамона Муравьева, Степана Семенова и многих других. В то же время тут учились многие друзья будущих декабристов, имена которых постоянно вплетаются в историю общественного движения эпохи, — тут учились в те же годы, что и Грибоедов, братья Петр и Михаил Чаадаевы, первый из которых сам причастен к движению декабристов, князь Иван Щербатов, пострадавший по делу о восстании Семеновского полка, братья Раевские... Московский университет в то время был передовым учебным заведением, ряд его преподавателей — особенно русские профессора из разночинцев (Цветаев и др.) — сами были причастны к передовой идеологии времени. А главное, само студенчество было носителем новых идей, было охвачено атмосферой идейного кипения, с жадностью тянулось к новой литературе, обсуждало политические темы. Студенты читают и подпольную литературу — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, запрещенные иностранные произведения. К лучшему другу Грибоедова — студенту Петру Чаадаеву приезжает на квартиру сам московский полицмейстер отбирать запрещенные брошюры. Студенчество грибоедовского времени оживленно спорит о Вольтере и Руссо, обсуждает преимущества республиканского правления, переживает острые религиозные кризисы. В центре внимания молодежи — Россия, родина. Никита Муравьев пишет, что он в студенческие времена «не имел образа мыслей, кроме пламенной любви к отечеству». Эта любовь к родине уже соединена у некоторых с критической мыслью по отношению к крепостному праву и деспотическому строю самодержавия. Уже бродят смутные замыслы борьбы за лучшее. В этой идейной атмосфере рос и развивался умный, талантливый, живой, «страстно учившийся» студент Грибоедов, в этой атмосфере написал он свою первую, не дошедшую до нас комедию. Нет сомнений, что именно тут, в эти годы, закладываются основы его передового мировоззрения.

Также нет сомнений, что патриотический порыв Грибоедова, который привел его прямо со студенческой скамьи в ряды армии в самом начале Отечественной войны 1812 года, не был безотчетным юношеским увлечением, а имел сложную идейную подоснову: на войну ушел не Петя Ростов из «Войны и мира», а студент Московского университета, готовившийся уже к экзамену на степень доктора, юноша, кончивший два факультета, работавший над историей философских систем, друг Петра Чаадаева, молодой человек, в беседе с которым находили интерес крупные политические деятели той эпохи.

Время пребывания в армии было полно незабываемых политических впечатлений. Молодых людей, по словам декабриста Якушкина, окружала «огромная обстановка». В том Иркутском гусарском полку, куда вступил Грибоедов, было около 200 участников Бородинского сражения.

Архив Колоривова рисует сложную жизнь штаба кавалерийских резервов в Вреете, где служил Грибоедов, сюда на границу ранее других городов приходили вести о великих событиях времени — о Дрездене, о битве под Лейпцигом, о торжественном вступлении русских в Париж. Тут на глазах Грибоедова формировались новые полки, проходили в тыл партии французских пленных, совершались суды над дезертирами...

После заключения мира Грибоедов едет в Петербург,—в то же время, когда туда начинает возвращаться русская гвардия после заграничных походов. Немало будущих декабристов, друзей Грибоедова, возвращается из-за границы. Теперь понятно, что заграничные впечатления вовсе не «породили» декабризм (зародыши критики крепостного строя возникли много ранее), — заграничные впечатления были лишь «катализатором», ускорителем ранее наметившегося процесса.

Годы 1815 (вероятнее дата 1814) — 1818 (до августа) Грибоедов проводит в Петербурге. Это годы подготовки, зарождения и первоначального оформления ранних декабристских обществ Союза спасения и Союза благоденствия, а также их предшественниц — офицерских «артелей». Это были годы, когда, по словам декабриста Пестеля, «дух преобразования» заставлял «везде умы клокотать». Европейская действительность, по словам того же декабриста, уже «ознакомила умы с революциями, с возможностями и удобностями оные производить». Борьба против крепостного права и против самодержавия была в центре слагающейся революционной идеологии. Кипение идейной атмосферы возникающих декабристских обществ не могло не захватить Грибоедова через его многочисленные декабристские знакомства. Можно насчитать около 43 имен декабристов и их друзей среди знакомых Грибоедова в этот период.

Среди них — ближайший друг Грибоедова С. Бегичев, принятый в тайное общество в 1817 г., т. е. до образования Союза благоденствия, один из основателей Военного общества (посредствующее звено между Союзом спасения и Союзом благоденствия) — П. Катенин, члены Союза благоденствия П. Каверин, Як. Толстой, П. Муханов, тут и представители основного ядра учредителей тайного общества декабристов — С. Трубецкой, Никита Муравьев, тут и близкие к декабристам люди — А. Пушкин, П. Чаадаев, И. Щербатов, А. Строганов, А. Жандр, и будущие декабристы — В. Кюхельбекер, А. Одоевский, Поливанов и другие. В эти годы Грибоедов является членом той же масонской ложи «Соединенных друзей», куда входят Пестель, Илья Долгорукой, Фед. Шаховской. Через С. Бегичева Грибоедов связан с кругом кавалергардов — в этом гвардейском полку наибольшее число декабристов. В этой среде Грибоедов мог многократно наблюдать основную коллизию времени — молодого человека, сторонника новых идей в столкновении с крепостническим миром.

По свидетельству своего лучшего друга С. Бегичева, Грибоедов задумал «Горе от ума» в 1816 г. Замысел этот долго таился и вызревал, возникали герои, позже отброшенные автором (жена Фамусова), и, наконец, с 1820 г. замысел стал облекаться в плоть и кровь того первичного текста, который уже носил многие знакомые нам черты, чтобы, наконец, к концу 1824 года отлиться в знакомую всем нам форму (последние авторские штрихи Грибоедов наносил на текст еще весною 1825 года).

Комедия была пронизана «духом времени», она воплотила и понесла в себе живые идеи эпохи, которым было суждено большое будущее. Действующие лица пьесы были отчетливо поделены на два лагеря. Молодой новатор стоял против лагеря старого мира, против защитников косности и отжившей старины и вызывал их на бой. За спиной героя, который один на один выходил на борьбу с крепостническим миром, чувствовалось немало сторонников, — это не только «князь Федор», племянник княгини Тугоуховской, который «в деревне книги стал читать», не только двоюродный брат Скалозуба, который «службу вдруг оставил», хотя ему следовал чин, но немало упоминаемых и подразумеваемых лиц, которые уже давно тревожат лагерь Фамусовых и Скалозубов — и профессора Педагогического института, которые «упражняются в расколах и в безверьи», и самое множественное число в восклицаниях Фамусова: «Все умудрились не по летам!» «Вот то-то, все вы гордецы!» и т. д.

В любой пьесе для обеспечения действия необходимо не менее двух лагерей, но замечательной особенностью «Горя от ума» явилось то, что здесь два лагеря взяты из реальной русской жизни. Их возникновение после наполеоновских войн было всемирно-историческим явлением, — их можно было наблюдать со своими своеобразными местными особенностями и в Испании, и в Бельгии, и в Неаполе, и в Греции, и в Португалии, и в Пьемонте. В «побочной управе» Союза благоденствия—«Зеленой лампе»—читалось литературное произведение «Письмо к другу в Германию», где говорилось, что петербургское общество поделено на «две партии», которые «находятся всегда в своего рода войне — кажется, что видишь духа мрака в схватке с гением света»; первая «партия» это «сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма», а вторая — «пионеры либеральных идей».

Чацкий чувствовал историческое расстояние между двумя лагерями, — он говорил о «веке нынешнем» и «веке минувшем», громил старых судей нового мира, черпавших суждения из «забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма». «Мы ушли от них на сто лет вперед»,— как бы вторил Чацкому декабрист Якушкин.

Герой пьесы только что вернулся из-за границы — это не было случайным литературным штрихом — такова была общественная ситуация поколения. Вся армия побывала за границей, и передовая молодежь тем отчетливее измерила расстояние между старым и новым.

Современник живо чувствовал морской воздух и видел приближающийся к Кронштадту корабль, на котором возвращались русские люди. «Как Чацкий, с корабля на бал»—сказал Пушкин, хотя в «Горе от ума» ни слова не говорится о корабле.

Историк не может не вспомнить о русских гвардейских полках, которые, выступив из Парижа в солнечный летний день 1814 года, грузились на корабли в столь знакомом нам всем теперь Шербуре. Военная служба в великие дни Отечественной войны и освобождение Европы от узурпатора были живым участием в истории. Люди воспитали в себе новое чувство чести — служить не лицам, а делу, насыщать личные действия историческим содержанием «свободной жизни». Но вражда старого к «свободной жизни» была «непримирима», как сказал Чацкий,—как служить в порабощенной родине, где самодержавный деспотизм железным кольцом сузил до предела круг возможностей работы во имя отечества? Кому служить? Аракчееву? В словах «служить бы рад — прислуживаться тошно» — не общая сентенция случайного порядка, а глубокая историческая проблема,— «что делать?» — того поколения. Весь моральный комплекс вопросов чести и службы у Чацкого повернут против самодержавия. Его возмущение крепостным правом есть протест против самого института крепостных отношений.

Грибоедов, доверивший Чацкому лучшие свои мысли и чувства, арестованный по процессу декабристов и запертый на гауптвахте Главного штаба, — с полным правом говорил о себе:

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб».
За что посажен в главный штаб
И там притянут к Иисусу.

Пьеса отразила процесс формирования русской национальной идеологии.

В ту эпоху, когда автор начал работу над замыслом и его воплощением, новаторы времени именно словом, проповедью обличали старый мир. Это была основная позиция борца, тактика Союза благоденствия. Молодежь повсюду «гремела» против диких учреждений крепостного права, как говорит декабрист Якушкин,— и герой пьесы придерживался той же линии. Образ Репетилова, возникший позже — повидимому, в 1823 году, по возвращении Грибоедова с Востока на родину,—глубоко отразил декабристскую линию борьбы против опошления замыслов и тактики тайной организации. Это была не «насмешка» над тайным обществом, а борьба за правильную линию его действий. Декабристы с восторгом приняли «Горе от ума», признали его «своим», разделили точку зрения автора, осудив Репетилова, и в начале 1825 года под диктовку списывали в несколько рук «Горе от ума» на квартире декабриста Одоевского (где в то время жил и Грибоедов), чтобы распространить пьесу в провинции с уезжавшими в отпуск декабристами. Декабристы воздействовали на Грибоедова, и Грибоедов воздействовал на декабристов.

«Горе от ума» — пьеса, полная исторического движения. Движение времени дошло до быта, до корней действительности, до простой повседневной русской жизни, оно вспыхнуло в одном из многочисленных домов дворянской Москвы — в доме Фамусова, куда герой вернулся для встречи с любимой девушкой. Значит, глубоко проникло историческое движение в русскую жизнь, если оно дошло до бытовой повседневности. Образы живых людей нарисованы бессмертным пером, отчеканены автором в сознании поколений. Перед нами — картина русской жизни, взятая в глубоком историческом движении, переданная непревзойденной живой русской речью. Пьеса обессмертила великую тему новатора перед лицом старого мира. Выросшая на определенной исторической почве, насыщенная идеями своего времени, эта самая живая и самая политическая пьеса XIX века, дала русской культуре бессмертные образы смелой борьбы с тем старым, отживающим, которое цепко хватается за жизнь, но обречено на смерть силой возникающего нового. Исчерпать поставленную тему в небольшой статье невозможно, — можно лишь бегло наметить ее контуры. Ясно одно: трафарет грибоедовской биографии и творчества, распространенный вульгарными социологами, мешает понять автора и его пьесу в глубочайшей исторической связи с их современностью, с живым общественным движением эпохи. Только это широкое историческое воззрение помогает нам осознать великое общечеловеческое значение комедии Грибоедова для наших дней.

Грибоедовский том «Литературного наследства»

Подготовлен к печати сорок седьмой том «Литературного наследства», посвященный жизни и творчеству А. С. Грибоедова.

Открывается книга работой Н. Пиксанова, освещающей основные этапы творческого пути Грибоедова, как одного из основоположников реализма в русской драматургии. Особое внимание Н. Пиксанов уделяет позиции Грибоедова в литературной жизни современной ему эпохи, в частности—вопросу о его связях с декабристской литературой.

Статья Вл. Орлова дает анализ художественной проблематики Грибоедова.

В работе М. Нечкиной заново ставится вопрос о времени возникновения замысла «Горя от ума». На основе богатого фактического материала, частично впервые привлеченного для научного исследования, устанавливаются близкие связи Грибоедова со многими деятелями тайных обществ — Союза спасения и Союза благоденствия.

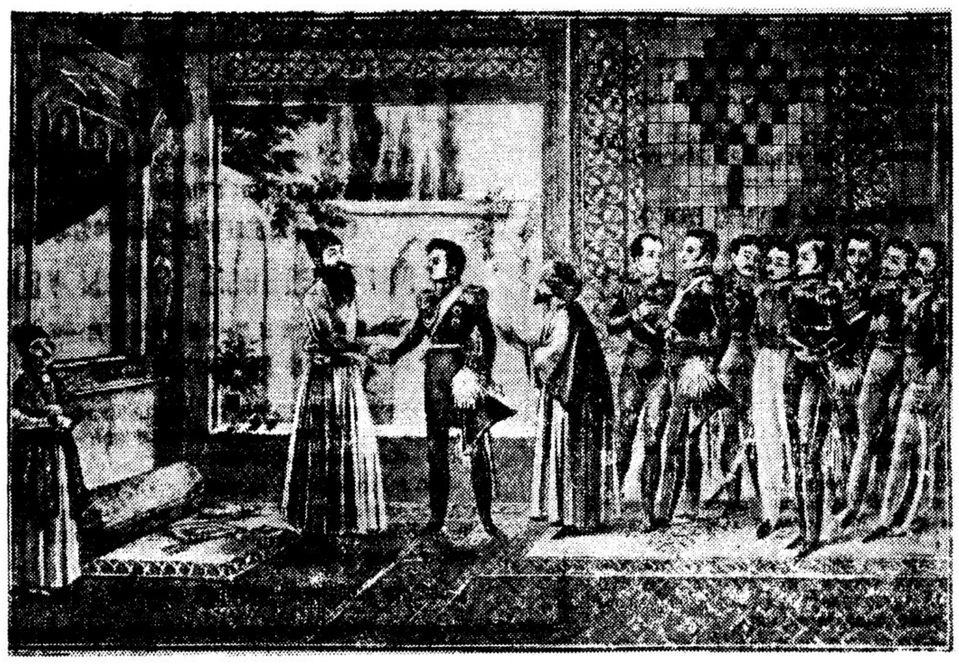
Статья Ю. Тынянова посвящена разбору сюжета «Горе от ума», как произведения, с огромной силой отразившего противоречия исторической действительности своего времени.

В сообщении А. Цейтлина дается обзор грибоедовских образов, встречающихся в сочинениях В. И. Ленина. В сообщении А. Шадурия говорится о связях Грибоедова с грузинскими литературно-общественными кругами 1820-х годов. В сообщении И. Ильинской сделана попытка исследования языка писем Грибоедова, как своего рода творческой лаборатории, в условиях которой формировалась стихия «просторечия», так широко представленная в языке «Горе от ума». Два сообщения посвящены сценической истории грибоедовской комедии: В. Филиппов обследует материал, связанный с первыми постановками; в сообщении Л. Ильинского дается обзор постановок комедии на провинциальной сцене. В сообщении М. Барановской описывается ряд зарисовок, принадлежащих известному комическому актеру и водевилисту П. А. Каратыгину, изображающих Грибоедова и его современников.

Документально-текстовой раздел тома содержит ряд неопубликованных писем Грибоедова, мемуарно-эпистолярных материалов о нем, официальные документы. Большой интерес представляют извлечения из путевых писем К. Ф. Аделунга, близко общавшегося с Грибоедовым в период его пребывания на Востоке. Бумаги, выявленные в архиве кн. А. С. Меньшикова, устанавливают факт секретного надзора за Грибоедовым, организованного по приказанию Николая I.

Том богато иллюстрирован портретами Грибоедова и его современников, рисунками к «Горе от ума», художественными материалами, относящимися к театральным постановкам комедии, и т. д.

Об'ем тома — 25 листов.



Свидание генерала Паскевича с наследником персидского престола Абас-Мирзою в Тегеране. (Литография Мошкова). В свите Паскевича (пятый справа) А. С. Грибоедов.

Из грибоедовского тома «Литературного наследства».

А. ИГНАТЬЕВ
Генерал-лейтенант

Образ советского офицера

Обсуждение повестей К. Симонова и А. Бека показало, насколько живо образ советского офицера интересует нашу писательскую среду и сколь недостаточно он освещен в этих книгах, хотя авторы и нарисовали полные живого реализма боевые картины.

Симонов мог бы ответить критикам, что само заглавие его повести, именно повести, а не романа, определяет характер произведения — литературный репортаж о грандиозной исторической битве за Сталинград, коей он был живым свидетелем. Для более полного использования столь богатого материала требуется время, а для написания большого романа—еще и некоторое отдаление от быстро меняющейся боевой обстановки.

Герой повести А. Бека — Момыш-Улы, хотя и касается важнейших вопросов военного воспитания бойца и командира, но, ограничивая описание боевых действий одним небольшим участком фронта, и притом на первоначальном и наиболее тяжелом этапе войны, не может дать образ офицера, сложившийся постепенно в течение трех лет, по значению своему равных тридцати годам.

Не надо забывать, что офицеры, составляя костяк вооруженных сил страны, являются представителями не только своей армии, но и государства. По их внешнему облику и по их внутреннему содержанию люди судят об уровне культуры страны, о ее государственном строе. «Война и мир» — этот памятник Отечественной войны 1812 года — особенно ценен нам тем, что Лев Толстой дал в романе портреты самых разнообразных типов офицера, не отделяя их от эпохи.

Офицеры выковываются на полях сражений, и если война 1812 года повлекла за собой эпоху расцвета русского офицерства, то настоящая Великая отечественная война, несомненно, определит на многие годы вперед характерный тип боевого советского офицера.

Наша задача — запечатлеть этот образ в литературе, стремясь не только приводить примеры проявленного героизма, но и вскрывать вызывающие этот героизм причины. Слово патриотизм, или, что то же, «Священная любовь к отечеству» (Amour sacré de la patrie) требует расшифровки. Любовь не может быть беспредметна. За что особенно горячо любит наш офицер свою Советскую страну и за что так глубоко ненавидит немцев? Попытки ответить на этот вопрос посредством создания искусственной обстановки, например, разрушение на глазах командира собственной хаты,—не доказательны.

Рисунок из книги К. Симонова «Дни и ночи», выходящей в Военном издательстве Наркомата Обороны СССР.
Худ. В. ИВАНОВ.

Прав Л. Субоцкий, указывая (см. «Литгазету» № 7), что в старшине Конюхове («Дни и ночи» К. Симонова) «вы не найдете черт человека, прожившего 25 лет в нашей социалистической стране». Сужу сам по себе, сужу по товарищам, бывшим офицерам и унтер-офицерам старой армии.

Мы все стали не те. Мы любим нашу родину попрежнему, но мы гордимся ею по-новому.

Дух зачимается от смелости и планомерности сменяющихся, как в калейдоскопе, величественных военных операций, и мы чувствуем, что революция и перестройка нашей страны дали Красной Армии таких волевых командиров, которых нам редко пришлось встречать 30—40 лет тому назад. И мы завидуем нашим товарищам, фронтовым писателям, которые имеют возможность поговорить с ними по душам и разобраться во всех чувствах, диктующих нашим офицерам беспрекословное выполнение боевого приказа. Что это? Присущая ли русскому человеку «совестливость», гордость ли советского гражданина, ненависть ли к врагу, или, наконец, офицерская честь, неотделимая от понятия чести армии и своей страны?

Нельзя не помнить, что, защищая Сталинград, герои повести Симонова особенно сильно ощущали близость к ним того, чье имя носит город, кто дважды его отстоял, кому, наконец, весь Советский Союз обязан победой!

Все мы знаем, на какую высоту подняла война в нашей армии воинскую дисциплину — эту «мать победы», но нам необходимо почувствовать коренную разницу между дисциплиной социалистической страны и старой русской армейской дисциплиной.

Воссоздала ли война или заменила чем-нибудь понятие об «отце-командире»? Повседневная забота офицеров о своих подчиненных, о их питании, одежде, самочувствии, та любовь, за которую солдаты платили начальнику такими же чувствами любви, — не отражена в нашей литературе.

Даже то новое, высокое, что вложено нашей революцией в слово «товарищ», не вскрыто. Между тем, как правило — «себя забывай, а товарища выручай» представляло и в русской армии основу сплоченности воинских подразделений.

Но что особенно должны были бы запечатлеть в своих произведениях наши фронтовые писатели, так это вырабатываемые на войне боевые и бытовые традиции.

Ничто не может лучше вскрыть внутреннего мира офицерства, чем эти «неписанные законы», пополняющие и отражающие существующие «воинские уставы».

Красная Армия родилась в огне гражданской войны, и ее традиции не должны себя изживать.

В настоящее время наши офицеры стремятся воскресить многие традиции старой русской армии, но не все они достойны подражания: одни — представляют пережиток давно и заслуженно похороненного нами старого мира, а другие — не поддаются упрощенному копированию.

Мы должны создать традиции Великой отечественной войны. Тонкое чутье писателя, приведенная им в художественной форме оценка окружающей его среды лучше всего могут помочь нашему офицерству разобраться в том, какие из традиций должны быть отброшены и какие достойны подражания и закрепления, чтобы служить могучим средством воспитания будущих советских командиров.

О ГЛАВНОМ И ПОДРОБНОСТЯХ

◇

А. ЛЕЙТЕС

◇

1.

Когда в 1941-42 гг. сотни тысяч читателей во всем мире с большим интересом читали и перечитывали Льва Толстого — его «Войну и мир», его «Севастопольские рассказы», они прежде всего желали получить ответ на вопрос: почему устояли русские?

Теперь они требуют ответа на другой вопрос: почему победили советские люди? Какой идейный смысл их победы? Чтобы ответить на него, уже недостаточно читать Льва Толстого или те современные повести, в которых действуют переодетые персонажи старых русских романов. Большое искусство и та большая тема, которую оно подымает, не терпит переодевания. Миллионы людей ждут от советских литературных произведений глубокой художественной правды о наших людях, обеспечивших победу над фашизмом, о сущности советского патриотизма.

С этой точки зрения каждый советский писатель ведет ответственнейший политический разговор со всем миром. В этом разговоре чрезвычайно важно не упустить то главное и существенное, чем характеризуется наш человек и наша эпоха. Но так как этот разговор ведется на языке искусства, не менее важно говорить о тех подробностях, через которые преломляется это главное, ибо «талант—это подробность», ибо «искусство начинается там, где начинается чуть-чуть», ибо оно проверяется не на декларациях, а на тех деталях и частностях, из которых складывается живой и типический художественный образ.

«Деталь — ужасная штука, — признавался Флобер в одном из своих писем, — особенно для тех, кто, как я, любит детали. Ожерелье состоит из жемчужин, но держатся они на нитке; в том-то и искусство, чтобы, нанизывая жемчуг, не потерять ни одной жемчужины и не выпустить из руки нитки».

2.

Где та главная путеводная нить, с помощью которой талантливый советский художник подойдет вплотную к раскрытию образа героя нашего времени? Это главное—в правильном сочетании «чувства нового» — во всех его подробностях — с тем ощущением наших славных, советских и национальных традиций, без которого невозможно дать полнокровный образ человека нашей эпохи.

«Чувство нового» включает в себе наши лучшие исторические национальные традиции, поднятые социалистическим государством на новую высоту. Но оно не покрывается этими традициями. И когда молодой поэт-фронтовик Мих. Львов в поэме «Ровесники», напечатанной в только-что вышедшем сборнике стихов «Дорога», пишет:

. . . Еще на льду Чудского
Был предрешен сегодняшний исход—
И Сталинград, и кольца возле Пскова
И наш на Ширее будущий поход.

—то эта строфа не только не дает представления о наших ровесниках, участниках Отечественной войны, но явно умаляет их заслуги. Получается, что победа, одержанная советским народом, уже была предрешена в начале XIII века. Как-будто наши люди оказались попросту обреченными на победу! Когда читаешь стихи о ровесниках, прежде всего хочешь, чтобы поэт нашел точные слова, выражающие трудовое и боевое напряжение нашей страны, которое до войны и во время войны завоевало нам свободу и независимость, чтобы запечатлел он тот драматизм ситуации, из которого с такой честью вышел наш народ.

Эта строфа в поэме Мих. Львова—только «подробность». Но это та деталь, которая мешает целому, ослабляет и искажает пафос произведения. И об этой подробности стоит говорить! Она типична для некоторых наших и поэтических и прозаических произведений, не дающих ощущения того большого напряжения, того внутреннего драматизма — и психологического и сюжетного,—вне которого образ героя наших дней получается мертворожденным для искусства. Может ли получиться полнокровный и об'емный портрет советского человека-победителя, если художник не показывает становления победы?

Вот, к примеру, сборник повестей и рассказов Вс. Иванова «На Бородинском поле». В сборнике есть несколько блестящих темпераментных рассказов — особенно выделяются те («При Бородине», «На старой Смоленской дороге»), которые посвящены исторической теме 1812 года. Тут все детали помогают ощущению целого. Но в этом сборнике есть повесть «На Бородинском поле», посвященная советским артиллеристам в боях под Москвой 1941 года, которая оказывается самой бледной в сборнике. Почему? Да потому, что здесь отдельные детали (сон Марка Карына, архаизированные реплики большинства персонажей) даны для того, чтобы подчеркнуть перекличку века нынешнего с веком минувшим. И только. «Чувство истории» в этой повести дано за счет «чувства нового». И каждая, очень тонко выписанная деталь подтачивает достоверность, правдивость, жизненность образа советского офицера-артиллериста. Эти детали мешают главному. Нельзя строить такой образ, ориентируясь только на параллели с войной 1812 года.

3.

«Чувством нового» пронизана повесть К. Симонова «Дни и ночи». Она посвящена Сталинграду — поворотному пункту в истории нашей Отечественной войны. Без романтических прикрас она передает повседневные ощущения участника 70-дневных боев в этом всемирно прославленном городе. В этой повести есть много мешающих цельности восприятия деталей. Но эти детали другого сорта. Детали, свидетельствующие о небрежности работы писателя над повестью. Они нуждаются прежде всего в том, что называется корректурной критикой.

Между тем, о главном в повести стоит поговорить и не упускать его из-за таких деталей. У Симонова есть коротенькое стихотворение «Пехотинец». Это о красноармейце, который, оторвавшись от земли, поднимается в атаку, чтобы под орудийным огнем пробежать полверсты.

И ты уверен в эту пору,
Что раз такие полверсты
Ты смог пройти, то значит скоро
Пройти всю землю сможешь ты

— говорит Симонов. Борьба за каждый метр территории решает судьбы десятков тысяч километров. И эта идея коротенького стихотворения Симонова стала основным пафосом и его повести «Дни и ночи».

В «Днях и ночах» борьба идет за каждый полуразрушенный дом Сталинграда. Напряженная борьба идет на маленьком краешке земли, отделяющем немца от Волги. К этому краешку земли устремлены взоры людей всего мира. Здесь решаются судьбы десятков тысяч километров, судьбы столетий.

Об одной гениальной картине китайский искусствовед Ван-Вей сказал: здесь каждый фут пейзажа нарисован десятками тысяч верст. Когда думаешь о пейзаже Сталинградской битвы, мечтаешь об исключительной силы кисти художника, который дал бы возможность почувствовать сквозь этот пейзаж десятки тысяч километров нашей страны, жившей одними мыслями, одними чувствами со сталинградцами, чтобы запечатлел он в нем ту огромную концентрацию моральных ресурсов советского человека, которые обеспечили победу.

К. Симонов, очевидно, не ставил перед собой такой задачи. Он дал только беллетристический эскиз для будущего гениального полотна о Сталинграде. Он только поспешил запечатлеть фигуры советских людей, для которых Сталинград был только боевыми буднями, началом большого пути до Берлина.

Главное в их психологическом облике сумел ухватить Симонов. Чтобы это понять, надо перечитать замечательную пьесу Шеррифа «Конец пути» — одно из самых значительных произведений мировой литературы, посвященных психологии офицера войны 1914—1918 гг. В этой пьесе капитан Стенхоп находится с точки зрения чисто военной психологии примерно в таком же положении, что и Сабуров: блиндаж, оторванность от других воинских частей, непрестанное ожидание немецкой атаки. Но Стенхоп чувствует себя обреченным. Обреченным не столько с военной, сколько с психологической точки зрения. Его моральные ресурсы исчерпаны. И он накачивается виски, чтобы подняться по ступенькам блиндажа. Для него, бывшего спортсмена и только, война — это конец пути.

Сабуров после длительного пути отступления к Сталинграду, после ряда ранений не только далек от чувства обреченности, но, напротив, в нем есть то бодрое ощущение обстрелянного офицера, для которого Сталинград — это начало пути. Потому что это человек, возмужавший в условиях сталинских пятилеток, который чувствует и понимает, что независимо от его личной участи Советская страна вошла в войну, будучи подготовленной к победе. И если Стенхоп пришел на войну только спортсменом, то он, Сабуров, встретил войну, готовый к тому, чтобы быть учителем истории и в прямом и в переносном смысле этого слова. В блиндаже в один из напряженных дней Сталинградской битвы Сабуров говорит: «После войны мы все понемножку так или иначе будем учителями истории...» Превосходно сказано.

Советские люди — участники величайшей войны — не только ученики истории. Они — ее учителя. Это главное почувствовал Симонов. Но, к сожалению, он передал эту мысль полуочерково. Главное не выражено в тех художественно точных подробностях, которых заслуживает Сталинградская битва. С этой точки зрения, повесть Симонова только начало пути. Она читается с интересом потому, что это добросовестная правда о сталинградских боевых буднях. Но этот интерес не ослабляет нашей мечты о другой книге, посвященной Сталинграду, где каждая деталь этого исторического момента в жизни нашего народа будет освещена несравненно об'емнее, глубже и типичней.

4.

В своей повести «Волоколамское шоссе», продолжающей «Панфиловцев на первом рубеже», А. Бек дал немало интересных, жизненных, правдивых и поучительных подробностей, касающихся психологии управления боем и участия в самом бою. Речь идет о битве под Москвой в осенние месяцы 1941 года. Любовно и тепло зарисован генерал Панфилов, воспитывающий волевых, умных, инициативных командиров, закаляющихся в процессе войны.

На одном из таких думающих, инициативных и решительных командиров, воспитанных Панфиловым, сосредоточил все свое и читательское внимание А. Бек. Командир батальона Момыш-Улы, являющийся благодаря литературному приему автора и основным рассказчиком повести и ее центральным героем, должен, по замыслу А. Бека, дать правдивую картину битвы под Москвой на одном из ее ответственных участков. «Вы обязаны написать правду»,— говорит герой автору. «Я хотел того, что и он: правды» — повторяет писатель.

Бесспорно, много правдивого есть в тех чертах волевого и инициативного командира, каким показан Момыш-Улы. Но тут-то и следует вспомнить замечательные слова В. И. Ленина: «Стоит сделать маленький шаг от бесспорной истины, хотя бы шаг в том же направлении, и истина превратится в ошибку». Увлекшись изображением беспощадно волевого командира, А. Бек в ряде деталей настолько сгущает эти черты, что его герой теряет те черты душевности и заботливости о своих бойцах и подчиненных, какими характеризуется положительный образ советского офицера. В то время, как Момыш-Улы дан колоритно, ярко, индивидуализированно, его окружение — командиры, политруки, красноармейцы даны предельно обесцвеченно. Их функция заключается как бы только в том, чтобы подчеркнуть внутреннее величие героя.

В результате, в повести Момыш-Улы выступает как высокомерно поучающий офицер, изрекающий зачастую далеко не новые истины...

В «Панфиловцах на первом рубеже» есть главка, где показано, как Момыш-Улы раз'ясняет бойцам, что такое родина. С изумлением и восхищением слушает его политрук: «С большелобой головы свалилась шапка; он, не глядя, подобрал ее и теребил в руках. Иногда и у него, не спросясь, появлялась улыбка». Это художественная деталь, долженствующая подчеркнуть моральное и умственное превосходство Момыш-Улы над окружающими.

Правда, в дальнейшем автор вместе с Момыш-Улы констатирует, что политруки и красноармейцы с честью выполнили свой долг, что коммунисты сплачивали бойцов в минуты опасности. Но это как раз показано без всякой художественной детализации. «Тут выступила сила, имя которой партия»,—декларативно заявляют автор вместе с героем. И только. Фигуры Толстунова или парторга роты красноармейца Букеева почти не запоминаются. А ведь в панфиловской дивизии действовали замечательные политические работники, самоотверженные и решительные. Достаточно вспомнить Клочкова-Диева, одного из бессмертных 28 гвардейцев-панфиловцев.

Так отдельные художественные подробности повести вступают в противоречие с главным в ней — с стремлением глубоко осмыслить правду о боях под Москвой. Конечно, в 1941 году на отдельных участках фронта такие умные, инициативные и беспощадно волевые командиры, каким изображен Момыш-Улы, иной раз спасали положение, выводя батальон в боевой готовности из окружения. Но они спасали положение потому, что в их распоряжении был великолепный и инициативный человеческий материал, воспитанный партией за годы существования советской власти. Но у Бека, не индивидуализировавшего этот человеческий материал, правда получилась явно однобокой.

Полуправда в искусстве мало чего стоит. Она иной раз может быть эффектной и поучительной, иллюстрируя те или иные верные истины, те или иные стороны действительности. Но она никогда не может заменить той глубокой художественной правды о советском человеке, на которой воспитываются молодые поколения. Эта художественная правда достигается только тогда, когда свою главную тему писатель гармонически сочетает с теми подробностями нашей действительности, которые лучше всего подчеркивают ее бессмертную силу.

Эдвин Арлингтон Робинсон

(1869—1935)

22 декабря исполнилось 75 лет со дня рождения известного американского поэта Э. А. Робинсона. Он был старшим в той «большой пятерке» поэтов (Робинсон, Ли Мастерс, Фрост, Линдзи, Сэндберг), чье творчество знаменовало расцвет современной американской поэзии.

Первые стихи Э. А. Робинсона были написаны вскоре после смерти Уитмана, но по своей форме они далеки от того свободного уитмановского стиха, который нашел широкое распространение в современной американской поэзии. Свободному стиху Робинсон предпочел строгий рифмованный стих Эдгара По и Лонгфелло. Однако классицизм Робинсона далек от эпигонства. В своей классической по форме поэзии Робинсон остро современен и глубоко самобытен, как подлинно национальный американский поэт. Он дал галлерею мастерски написанных психологических портретов американцев, обитателей вымышленного городка Гюмбери (Ричард Корн, Минавер Чиви, капитан Крэйг и др.).

Робинсон—уроженец Новой Англии, и ее суровая природа и суровый пуританский дух ее первых поселенцев наложили отпечаток на его поэзию, суровую, сосредоточенную и стоически мужественную, с внезапными проблесками сдержанного юмора. В поэзии Робинсона не было никаких ходких приманок для широкой публики, и ему пришлось пройти долгий и трудный путь, чтобы добиться, наконец, признания. Первым обратил внимание на его поэзию Теодор Рузвельт. Он помог молодому поэту, работавшему на постройке нью-йоркского метро, предоставив ему место инспектора таможни. Только к пятидесяти годам Робинсон смог добиться признания и отдаться всецело продуктивной поэтической работе.

Робинсон был в числе друзей Советского Союза и незадолго до своей смерти прислал нам вместе с письмом книгу избранных своих стихов для подготовлявшейся тогда антологии «Поэтов Америки XX века».

Ниже мы помещаем перевод одного из известных стихотворений Э. А. Робинсона «Вечеринка мистера Флада».

Вечеринка мистера Флада

Однажды ночью старый Эбен Флад
Пошел один пройтись путем знакомым
На холм, вздымавший свой кремнистый скат
Над городом и тем, что звал он домом.
Под полною луною на холме
Он на пустынную дорогу вышел
И вслух сказал,—ведь город спал во тьме
И в Тильбюри его никто не слышал:
«Ну, мистер Флад, к концу подходит год,
Луна сентябрьская над урожаем
И птицы собираются в отлет.
Счастливого пути им пожелаем.
За птиц мы выпьем». И подняв кувшин,
Что долго нес, чтоб осушить глотками,
Ответил хрипло: «Что ж, глоток один
Я, мистер Флад, охотно выпью с вами».
Так, видя только мертвых вкруг себя,
В броне надежд разбитых он в тумане
Стоял, как призрачный Роланд, трубя
В беззвучный рог своих воспоминаний.
И чудился ему ответный зов
Из города внизу с пустынных улиц,
Приветствия умолкших голосов,
Как-будто старые друзья вернулись.
И как заснувшего ребенка мать
В постельку, так кувшин на полог млечный
Он опустил — нельзя ведь забывать,
Что вещи хрупки и недолговечны,
Удостоверившись, что на земле
Кувшин стоит надежней многих жизней,
И руку протянувши в лунной мгле,
Сказал он громко, словно с укоризной:
«Да, мистер Флад. Давненько мы вдвоем
Не пили с вами. Кончилась разлука.
Добро пожаловать в родной свой дом!
Теперь давайте выпьем друг за друга!».
И снова, будто чокаясь, к луне
Кувшин с земли поднял рукой усталой,
И сам себе ответил в тишине:
«Ну что ж, еще раз выпью я, пожалуй!
Но больше не просите, мистер Флад —
«Ведь так давно»... Довольно, сэр, довольно».
Да, прошлого нельзя вернуть назад
И Эбен согласился с ним невольно.
И вдруг запел средь лунной тишины.
Огромный диск в воде дробился, светел;
Внимали пенью только две луны
И сумрак эхом от холмов ответил —
«Ведь так давно»... Но с песенкой простой
Не справился, и вдруг пресекся голос,
И он, подняв к луне кувшин пустой,
Замолк, и песня эхом раскололась.
Один с луной над городом глухим,
Где заперты чужими на засовы
Те двери, что всегда открыть пред ним
Друзья и в полночь были бы готовы.

Перевел МИХ. ЗЕНКЕВИЧ.

АМЕРИКАНСКИЕ ИЗДАНИЯ СТАТЕЙ ЭРЕНБУРГА

В Нью-Йоркском издательстве Кнопф вышла книга статей и очерков И. Эренбурга «Русский закал». («The Tempering of Russia»).

Американская пресса уделила большое внимание этой книге. «Редко можно встретить столь действенное изображение величия русского народа, — пишет «Нью-Йорк геральд трибюн».

«Сатердей ревью оф литерачюр» считает, что «Русский закал» — «один из немногих первоисточников материала о первых месяцах русско-германской войны». «Эренбург с первого дня не сомневался в победном исходе войны и нашел слова, чтобы выразить чувства своего народа, узнавшего по опыту, что такое немецкое нашествие. К этим словам писатель добавляет свои собственные чувства, и получается вдохновенное целое, помогающее людям сражаться... В одном Эренбург превосходит всех военных писателей — в уменьи выразить свое отвращение и ненависть к немцам.

История русско-германской войны не скоро будет написана. Уже теперь многие детали исчезли из памяти нерусских людей. Мы помним Сталинград, Москву, Крым и Ленинград, но нами забыты тысячи других сражений — больших и малых, за каждый город и каждую деревню. Русские же их помнят. Эренбург воплотил эти воспоминания в своих произведениях».

По мнению «Нью-Йорк таймс бук ревью», «Эренбург не похож ни на какого другого писателя. Это первоклассный публицист, у него острый взгляд, подмечающий обыденные детали, которые бывают так характерны, и улавливающий все оттенки красок. Он — сатирик и он гуманист, глубоко и нежно сочувствующий угнетенным. Книга Эренбурга разжигает ненависть, она бичует словами и жжет пламенным негодованием, пробивающимся между строк». Однако рецензент «хотел бы получить более четкую и острую картину России в жестокий первый год войны. Книга Эренбурга — хорошая и полезная книга, но поле еще открыто для правдивого и волнующего повествования об этой страшной и кровавой войне».

ПОДАРОК БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Союз советских писателей получил из Софии восемь книг, выпущенных за последние месяцы «Нариздатом». В их числе:

Сборник «Стихотворения» известного поэта Кристо Смиренского. Один из разделов сборника озаглавлен «Москва», в него вошли стихотворения: «Красные эскадроны», «Северное сияние», «Москва», «Русский Прометей», «Советская Россия» и др.

Сборник очерков Крум Кюлявкова «Путевые записи и встречи». В одной из записей автор рассказывает о домике Чехова в Ялте.

НОВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ КНИГИ

За последнее время в Государственную центральную библиотеку иностранной литературы поступает большое количество английских и американских книг и журналов (около 100 названий).

В подарок от Арчибальда Маклиша—директора библиотеки Конгресса США ГЦБИЛ получила серию книг современных американских поэтов. Внучка известного американского писателя Мелвилля (1819—1891), узнав, что произведения ее деда пользуются большой популярностью в Советском Союзе, прислала в ГЦБИЛ первые издания его книг, собранные ею у американских букинистов.

Прием в ВОКС в честь Мартина Андерсена Нексе

21 декабря во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей (ВОКС) состоялся прием в честь приехавшего в Москву известного датского писателя антифашиста Мартина Андерсена Нексе.

На приеме присутствовали зам. председателя ВОКС А. Караганов, председатель Комитета по делам искусств М. Храпченко, генерал-лейтенант А. Игнатьев, полномочный представитель Борющейся Дании г-н Томас Десинг, чрезвычайный посланник и полномочный министр Швеции в СССР г-н Стеффан Сеедерблюм, писатели И. Эренбург, Б. Горбатов, С. Михалков, Л. Соболев, В. Инбер, А. Сурков, П. Антокольский, деятели искусств, работники ВОКС и НКИД.

Выступившие на приеме А. Караганов, Л. Соболев, В. Инбер, И. Эренбург, П. Антокольский приветствовали Мартина Андерсена Нексе, лучшего сына датского народа, непреклонного борца с фашистской опасностью.

В своем ответном слове Мартин Андерсен Нексе поблагодарил собравшихся за теплый прием.

Вечер закончился дружеской беседой Мартина Андерсена Нексе с советскими писателями.

Гослитиздат выпускает новое издание пародий А. Архангельского «Избранные пародии» с рисунками Кукрыниксы. В книге помещены около 30 шаржей на советских писателей. На снимках — дружеские шаржи на Н. Тихонова, Илью Эренбурга и Вс. Вишневского.

Книжная полка

ГОСЛИТИЗДАТ

✪ Вышел VI том полного собрания сочинений Салтыкова-Щедрина: «Публицистика 1863—1864 гг». Большинство из статей, помещенных в томе, было опубликовано в свое время в журнале «Современник». Несколько статей остались ненапечатанными.

В первом разделе под общим заглавием «Наша общественная жизнь» помещены хроники, до сих пор не перепечатывавшиеся ни в одном из собраний сочинений Щедрина.

Во втором разделе напечатано семь статей Щедрина, в четырех из них Щедрин полемизирует с журналом братьев Достоевских «Эпоха».

В приложении напечатана новонайденная статья Салтыкова-Щедрина «Несчастия в Поухове».

Том открывается вступительной статьей А. Лаврецкого «Щедрин—публицист «Современника».

Редакция тома—М. Эссен, подробные комментарии составлены С. Белевицким.

✪ «Верная кровь»—книга рассказов и очерков Л. Первомайского. В сборник вошли: «Жизнь», «Казачка», «Верная кровь», «Учитель истории», «Баба знакомая старушка», «Сольная ночь», «Два дня» и др.

✪ «Дневной свет в субботу» Дж. Б. Пристли с подзаголовком «Роман об авиазаводе» издан в переводе М. Абкиной.

ВОЕНМОРИЗДАТ

✪ В серии «Библиотечка краснофлотца» вышел роман Р. Киплинга «Отважные мореплаватели» и сборник произведений Дж. Лондона «Приключения рыбачьего патруля», который об'единяет семь рассказов: «Белое и желтое», «Король грешов», «Набег на устричных пиратов» и др. Обе книги иллюстрированы худ. Ю. Рейнер.

✪ Сборник русских народных сказок для детей младшего возраста вышел в Горьковском областном издательстве. В сборнике 20 популярных сказок: «Гуси-лебеди», «Лисичка со скалочкой», «Волк и семеро козлят» и др. Книга хорошо иллюстрирована рисунками худ. С. Закржевской. Составитель сборника М. Булатов.

✪ Сборник избранных произведений И. С. Никитина вышел в Воронежском областном книгоиздательстве. В книгу вошло 90 стихотворений, наиболее ярко отражающих народно-патриотический характер творчества Никитина. Сборнику предпослана вступительная статья В. Тонкова.

ПОД ЗНАКОМ ВЫСОКИХ ТРЕБОВАНИЙ

На общегородском собрании Ленинградского отделения Союза советских писателей

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) Впервые за годы Отечественной войны так многолюдно было в актовом зале Дома писателей имени Маяковского. Писатели собрались для того, чтобы поделиться опытом работы в военных условиях, определить задачи на будущее, решить организационные вопросы. За столом президиума — Н. Тихонов, О. Форш, М. Зощенко, В. Саянов, А. Прокофьев, И. Груздев, И. Кратт, Л. Рахманов, московские гости — Д. Поликарпов, Г. Ярцев, П. Чагин и другие.

С докладом о работе ленинградских писателей в дни Отечественной войны выступил секретарь Ленинградского отделения Союза писателей Б. Лихарев. Он говорит о том, что ленинградские писатели с первых дней Великой отечественной войны свято выполняли свой патриотический долг перед родиной. В составе народного ополчения был взвод ополченцев, состоявший из писателей-ленинградцев. Командовал взводом погибший писатель С. Семенов, автор романа «Наталья Тарпова» и участник челюскинской эпопеи.

Ни на минуту не умолкало горячее призывное слово писателя. В дни блокады более 1500 раз выступали ленинградские писатели по радио. В одной из лучших газет «На страже родины» было напечатано более тысячи рассказов, статей, очерков и стихотворений, написанных ленинградскими писателями. В Ленинграде в тяжелые месяцы блокады было издано около 300 книг, брошюр и альбомов. Бойцы и офицеры Ленинградского фронта, краснознаменного Балтийского флота, жители города не забудут ленинградские рассказы Тихонова, «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Февральский дневник» О. Берггольц, очерки В. Вишневского, стихи А. Прокофьева.

Б. Лихарев вспоминает тех, кто пал смертью храбрых во имя родины. Он говорит о литературоведе Оресте Цехновицере, о сценаристе и драматурге И. Зельцере, о поэтах Ю. Инге, А. Лебедеве, Г. Суворове, о детских писателях Савельеве и Вальде, о писателе-художнике А. Кантарозиче и предлагает почтить их память. Все собравшиеся встают и минутой молчания отмечают память погибших товарищей.

За время войны многие поэты и писатели значительно выросли. Это относится к таким поэтам-фронтовикам, как В. Лифшиц, В. Шефнер, А. Чевелихин, Мих. Дудин и др.

Перед ленинградскими писателями стоит большая задача — отобразить те великие события, участниками которых они являются.

По докладу Б. Лихарева развернулись оживленные прения.

О большой ленинградской теме говорила О. Берггольц. Это тема вечная, общечеловеческая, открывающая новые страницы в истории литературы. Мельчить эту тему нельзя. Писатели должны в совершенстве овладеть мастерством для того, чтобы создать произведения, достойные нашей героической эпохи.

— Всякое талантливое произведение, — сказал В. Саянов, — найдет дорогу к сердцу советского читателя. Ленинградскую тему нельзя рассматривать в отрыве от общенародной темы. Мы должны показать в своих произведениях Ленинград, ленинградцев, в самые трудные дни блокады твердо веривших в победу.

И. Груздев свою речь посвятил работе с литературной молодежью. Он говорит о вреде самоуспокоенности в литературной работе, о «бытовизме», которым грешит наша литература, и указал на необходимость широко привлекать в литературу новые силы.

В. Кетлинская говорит о подготовке к встрече с будущим читателем, с теми, кто сейчас победоносно завершает разгром врага.

Много внимания было уделено в прениях роли критики. Об этом говорит В. Орлов, Р. Мессер, Е. Мирошниченко.

О создании книг для детей говорила тов. Карнаухова, которая назвала ряд имен писателей, успешно работающих в области детской книги.

Культуре писателя посвятил свое выступление М. Козаков. А. Прокофьев подробно говорил о качестве советской массовой песни. Особое внимание уделил А. Прокофьев работе ленинградских издательств, а также журналам «Звезда» и «Ленинград», выходящим с большим опозданием и неудовлетворительным по качеству.

Н. Тихонов, тепло встреченный собравшимися, указал, что день собрания — большой день в жизни ленинградских писателей. Организация писателей пришла сюда, обогащенная пережитыми событиями войны, умудренная опытом войны. Уже появляются произведения, заслуживающие внимания. Наступает время больших книг. Н. Тихонов говорил об ответственности писателя, берущегося за изображение героической эпопеи — обороны Ленинграда, и призвал писателей смело взяться за осуществление великих тем. В частности, особое внимание он уделил истории героической обороны Ленинграда. Писатели должны запечатлеть для будущего поколения эти бессмертные страницы великой ленинградской эпопеи.

В прениях выступили также писатели М. Зощенко, Н. Никитин, А. Дымшиц, Е. Полонская. С большой речью выступил секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) тов. В. Иванов.

Собрание писателей послало приветствие Верховному Главнокомандующему, Маршалу Советского Союза товарищу И. В. Сталину и руководителю ленинградских большевиков товарищу А. А. Жданову.

Тайным голосованием было избрано новое правление Ленинградского отделения Союза советских писателей, в составе: А. Прокофьева, М. Лозинского, В. Саянова, М. Маршака, О. Форш, Т. Кожемякина, В. Лифшица, В. Орлова, О. Берггольц, А. Ахматовой, проф. Б. Эйхенбаума, Л. Рахманова, А. Дымшица, Н. Никитина, Н. Брауна, И. Кратт, Е. Добина.

Состоявшееся об'единенное заседание нового правления Союза советских писателей и ревизионной комиссии избрало президиум Ленинградского отделения Союза советских писателей в составе: А. Прокофьева, Т. Кожемякина, О. Берггольц, Л. Рахманова, Н. Никитина, А. Дымшица, В. Саянова. Председателем Ленинградского отделения Союза советских писателей избран А. Прокофьев, секретарем — Т. Кожемякин.

МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ

В Институте мировой литературы им. Горького и на филологическом факультете Московского университета готовится ряд интересных диссертаций по современной литературе. Многие аспиранты работают над монографиями об отдельных советских писателях: А. Фадееве, Л. Леонове, Конст. Федине, А. Серафимовиче; пишутся диссертации об исторических романах А. Толстого и В. Шишкова.

Докторант И. Гуторов готовит диссертацию «Литературно-теоретические взгляды Горького». Автор дает анализ всего, что написано Горьким по вопросам теории, прослеживает эволюцию взглядов писателя и старается воссоздать всю систему литературно-теоретических воззрений Горького.

Несомненный интерес представляет законченная и уже защищенная диссертация Е. Любаревой о «Советской поэме 30-х годов».

Наряду с работой над диссертациями молодые литературоведы пишут доклады по различным темам советской литературы.

Институт мировой литературы им. Горького готовит сборники «Летопись литературы и литературной жизни эпохи Отечественной войны». Для второго тома «Летописи» силами молодых литературоведов готовится работа — «Литература второго года Отечественной войны». Авторы дадут анализ около 2 тыс. книг.

Большую работу на тему «Горький в дни Отечественной войны» написала научный сотрудник С. Штут.

В «Ученых записках» Московского университета будет опубликована работа аспиранта И. Баскевича «Сатира в дни Отечественной войны». Автор дал сравнительный анализ современной сатиры и сатиры эпохи гражданской войны и войны 1914—1918 гг.

Письмо работников искусств

Наступают зимние каникулы школьников. После полугодия напряженной учебы наши дети должны хорошо отдохнуть, интересно и полезно использовать время каникул, чтобы набраться сил и энергии для успешной учебы в новом, 1945 году.

Наша великая советская родина, партия большевиков и лично товарищ Сталин окружают теплой родительской заботой и повседневным вниманием наших детей.

В дни каникул десятки тысяч детей заполнят парки, сады, лыжные станции, катки, Дома пионеров, технические станции. Тысячи детей захотят побывать в столичных театрах и клубах, посмотреть свои любимые спектакли, встретиться с московскими артистами, писателями, композиторами.

Чтобы радостнее сделать отдых школьников и внести наш вклад в общенародную заботу о детях, мы, работники искусств и литературы, позаботимся о том, чтобы теплее встретить юных гостей в театрах, клубах писателей и композиторов, покажем им наши лучшие спектакли и произведения. В эти праздничные новогодние дни работники литературы и искусства должны приехать в гости к пионерам и школьникам, отличникам учебы, в их школы и Дома пионеров, выступить с концертами, помочь школам в организации детской художественной самодеятельности, увеличить денежный фонд помощи детям фронтовиков.

Призываем всех работников искусства и литературы, всю советскую общественность в дни зимних каникул школьников окружить нашу замечательную советскую детвору еще большим вниманием, всеми силами помочь учителям интересно, творчески провести новогодние праздники в школах и детских домах столицы.

В. Барсова, И. Берсенев, В. Ванин, Н. Емельянова, В. Захаров, И. Ильинский, Е. Кругликова, О. Лепешинская, А. Мордвинов, С. Михоэлс, И. Моисеев, И. Москвин, М. Румянцев, А. Свешников, А. Яблочкина, Н. Тихонов, С. Михалков, С. Маршак, И. Эренбург, Б. Горбатов, А. Сурков, А. Барто, В. Шебалин.

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МИНСК. (Наш корр.). Академия наук СССР готовит к печати однотомник по истории белорусской литературы.

В однотомник войдут статьи писателей и литературоведов, посвященные творчеству отдельных авторов и разбору их произведений. Значительное место будет отведено советской литературе Белоруссии периода Отечественной войны, творчеству Янки Купалы, Якуба Коласа, Кузьмы Чорного и других.

Вступительную статью, дающую общий обзор белорусской литературы и определяющую ее рост за годы советской власти, пишет Михась Лыньков.

Об'ем однотомника более 30 печатных листов.

Литературная газета на армянском языке

ЕРЕВАН, 21 декабря. (ТАСС). Возобновилось издание литературной газеты на армянском языке — органа Союза советских писателей Армянской ССР. Первый номер посвящен проблемам перевода произведений армянских писателей на русский язык.

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА НА АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Писатели Д. Гулия, Х. Бгажба, И. Тарба и А. Джонуа перевели тридцать басен И. А. Крылова на абхазский язык. Сборник басен печатается и в ближайшие дни выйдет в свет.

Славный юбилей

Общественность Якутии отметила 60-летие со дня рождения старейшего своего поэта М. Н. Тимофеева-Терешкина.

Несмотря на потерю зрения, поэт продолжает плодотворно работать. Свои произведения он диктует жене.

В дни Великой отечественной войны вышли два сборника стихов М. Н. Тимофеева-Терешкина — «Якуты на войне» и «Якуты в тылу».

Книги появились на якутском и русском языках (в переводе А. Ольхона).

ПРЕМЬЕРЫ КАМЕРНОГО ТЕАТРА

Московский Камерный театр показывает 25 декабря премьеру комедии Островского «Без вины виноватые» — 75-й спектакль за 30 лет работы театра. Постановка — А. Таирова, режиссер-сопостановщик Л. Лукьянов. В роли Кручининой выступит Алиса Коонен.

В январе, отмечая годовщину разгрома немцев под Ленинградом, театр покажет новый вариант героической драмы Вс. Вишневского «У стен Ленинграда» в сценической композиции А. Таирова. Одновременно театр готовит пьесу О. Берггольц и Ю. Макагоненко «Они жили в Ленинграде».

14 апреля 1945 г. — в 15-ю годовщину со дня смерти В. Маяковского—Камерный театр намечает дать премьеру спектакля-концерта «Клоп».

БУДУЩИЕ КНИГИ

Ольга ФОРШ.

Уже самый факт возвращения в родной Ленинград вдохновляет меня и наполняет энергией для дальнейшего творчества.

В настоящее время я работаю над большим историческим романом «Бессмертный город», посвященным строительству и обороне великого города Ленина. Часть первая называется «Михайловский замок». Здесь я рассказываю не только о выдающихся зодчих, воздвигших этот замечательный памятник архитектуры, но и показываю безвестных строителей, талантливых русских самородков, отдавших свой талант и искусство делу воздвижения великих памятников русской архитектуры. Одновременно я показываю, как строился и создавался великий город на Неве, как из поколения в поколение переходила любовь строителей к этому городу, как величайшие таланты развивались и росли, несмотря на тяжелые условия царского режима и крепостничества.

Вторая часть романа будет посвящена Петербургу периода 1905—1917 гг., а в третьей я расскажу о героической борьбе ленинградцев, выдержавших блокаду и беспримерную в истории осаду, отбросивших врага и восстанавливающих свой любимый город.

Помимо этого я сейчас подготавливаю для журнала «Звезда» свою переписку с А. М. Горьким. В этой переписке я представлю 15 писем Алексея Максимовича периода 20—30-х годов. Тут же будут помещены мои комментарии и воспоминания о пребывании в Сорренто у Горького.

Ольга Форш

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

У ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИИ * ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ * ПЛАН РАБОТЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ * НОВЫЕ ЧЛЕНЫ ССП СССР.

На состоявшемся на-днях заседании президиума Союза советских писателей СССР П. Скосырев, возвратившийся недавно из Латвии, рассказал о творческой и общественно-политической работе латышских писателей.

Как только Красная Армия освободила столицу Советской Латвии от фашистской нечисти, в Ригу вернулись писатели, находившиеся три с половиной года вдали от родного дома. Здесь они встретили своих собратьев по профессии, проживших эти годы в немецкой неволе 6 декабря, на собрании писателей Риги, им рассказали о том, как фашисты пытались разгромить латышскую культуру, уничтожить свободолюбивую литературу. Поэт и драматург В. Гревиньш, литературовед Р. Эгле, поэт А. Чакс рассказали о том, как художественная интеллигенция Латвии ушла в эти годы в подполье, как работала она на благо народа в ожидании возвращения Красной Армии. В частности, Р. Эгле подготовил перевод прозаических произведений Лермонтова, и как только немецкие захватчики были изгнаны из Латвии, эта книга вышла в Риге в отличном оформлении. Набор этой книги рабочие типографии тщательно прятали от фашистов.

В настоящее время писатели Латвии принимают активное участие в восстановлении культурной жизни республики. Они — сотрудники и руководители редакций журналов, издательств, Радиокомитета.

За 40 дней работы Государственное издательство Латвии успело выпустить, кроме Лермонтова, несколько книг, переведенных на латышский язык, в том числе «Как закалялась сталь» Ник. Островского. Издательский план на 1945 год включает около 230 названий. Будут выпущены на латышском языке произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Грибоедова, Льва Толстого, Чехова, Горького. Переводятся «Хождение по мукам» А. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Чапаев» Д. Фурманова, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, статьи о войне И. Эренбурга, «Дни и ночи» К. Симонова, «Непокоренные» Б. Горбатова, «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, «Танкер «Дербент» Ю. Крымова, «Морская душа» Л. Соболева, стихи и поэмы М. Алигер, П. Антокольского, Н. Тихонова, пьесы Л. Леонова и К. Симонова, сборники статей «Ленин о литературе» и «Горький о литературе». Предполагается издать большой сборник «Советская родина», состоящий из рассказов и очерков советских писателей об СССР, — о Москве, Ленинграде, Урале, Донбассе. В плане — очерк истории развития советской художественной литературы.

Из произведений латышских писателей будут выпущены: новый роман А. Упитса «Зеленая земля», книга рассказов В. Лациса, его новая пьеса «Сноха» и повесть «Кузнецы будущего», книга фронтовых стихов А. Григулиса, сборник стихов военного времени Я. Судрабкалниса, рассказы А. Саксе, новые стихи А. Чакса, исторический роман В. Гревиньша.

Союз писателей Латвии наметил ряд творческих обсуждений произведений латышских писателей, созданных за время Отечественной войны.

***

В течение последнего времени президиумом ССП СССР вновь образованы секции поэтов и драматургов. Возобновляет свою работу и комиссия по детской литературе.

Президиум утвердил новый состав комиссии, в которую вошли: С. Маршак, С. Михалков, А. Коонов, Л. Кассиль, М. Ильин, Е. Шварц, В. Орлов, В. Катаев, И. Савченко, А. Пантелеев, К. Чуковский, А. Барто, Т. Габбе, В. Смирнова, Е. Федоров, Д. Поликарпов, Н. Тихонов, О. Писаржевский, И. Халтурин, Л. Дубровина.

Президиум обсудил ориентировочный план работ Союза писателей на ближайшие месяцы. План этот включает дискуссии о современной литературе, обсуждение планов издательств и журналов на 1945 год, ознакомление с работой башкирского, литовского, эстонского союзов писателей. В плане предусмотрены творческие вечера, посвященные лучшим произведениям, вышедшим за истекший год, совещание писателей областей РСФСР, совещание по вопросам переводов и т. п.

***

Президиум ССП СССР принял в члены Союза писателей прозаика Д. Нагишкина (Дальний Восток), поэта А. Ольхона (Иркутск) и в кандидаты — очеркиста И. Кремлева-Свена (Москва), драматурга, автора пьесы «Сталинградцы» Ю. Чепурина и прозаика А. Шубина (Воронеж).

***

На заседании президиума обсуждалось также недостойное поведение Д. Хаита, выступившего перед студентами Горного института с безответственным, халтурным и пошлым докладом на тему «Любовь и дружба», вызвавшим справедливый протест аудитории. Президиум резко осудил Д. Хаита, дискредитировавшего звание советского писателя, и постановил исключить его из членов ССП, предоставив ему право возбудить ходатайство о восстановлении в правах члена Союза писателей после того, как Д. Хаит своей работой докажет, что он достоин этого звания.

Вечер памяти Ошера Шварцмана

Ошер Шварцман — поэт-воин. Он слагал свои стихи в окопах русско-германского фронта. После окончания мировой войны Ошер Шварцман вернулся на родину, в Киев. Он подготовил там к печати свою книгу, сборник стихов, рожденных в огне сражений.

В 1919 г., когда интервенты грозили молодой Советской республике, Ошер Шварцман добровольцем ушел на фронт, защищать родину и революцию.

«Враг у ворот» — предсмертное стихотворение поэта. Ошер Шварцман в 1919 г. погиб на фронте смертью героя. Он не прожил и 30 лет.

Произведения Шварцмана стали боевым знаменем еврейской поэзии. В наши грозные дни его стихи звучат так, словно они рождены сегодняшними битвами на фронтах Великой отечественной войны советского народа.

18 декабря 1944 г. в помещении Государственного Еврейского театра состоялся большой литературный вечер, посвященный памяти Ошера Шварцмана.

В зрительном зале собрались представители советской литературы, искусства, общественности, бойцы и командиры Красной Армии.

Народный артист Союза председатель Еврейского антифашистского комитета СССР С. Михоэлс открыл торжественную часть вечера.

Во вступительном слове он ярко охарактеризовал облик Ошера Шварцмана — патриота, бойца и поэта. Доклад о жизни и творчестве поэта сделал ответственный редактор газеты «Эйникайт» Шахно Эпштейн.

Затем поэты И. Фефер и Л. Квитко прочли свои стихи, посвященные Шварцману. С. Галкин прочел на вечере стихи, посвященные Шварцману поэтами Росиным и Шведиком, погибшими на фронтах Отечественной войны. Д. Бергельсон, Н. Ойслендер и И. Добрушин в своих выступлениях горячо говорили о замечательном поэте-революционере.

П. Маркиш прочел главу из новой поэмы.

На трибуне маленькая седая женщина, вдова Ошера Шварцмана. Адель Шварцман вспоминает о том, как она встретилась в последний раз с Шварцманом в 1919 году на фронте. Сын Ошера Шварцмана, Давид, сейчас доблестно сражается на фронте. Он офицер-орденоносец. И эти слова, гордо произнесенные матерью, зрительный зал встречает громом аплодисментов.

После окончания торжественной части вечера состоялся большой концерт, в котором приняли участие Эмиль Гилельс, Д. Ойстрах, квартет им. Бетховена, З. Шульман, И. Голянд и др.

ПОПРАВКА

В передовой статье «Связь литературы» (см. «Литгазету» № 7 (1110) от 16 декабря 1944 г.) по техническим причинам вкралась опечатка. Абзац шестой следует читать: «За годы Сталинских пятилеток сильно возросли тиражи книг. В Белорусской и Узбекской ССР в 1937 г. появилось в 5 раз больше книг, чем в 1913 году» и пр.

Редакционная коллегия Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

31 декабря 1944 г.

все сберегательные кассы СССР зачисляют на счета своих вкладчиков

ПРОЦЕНТЫ за 1944 год

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ УПЛАЧИВАЮТ:

по срочным вкладам — 5% годовых

по вкладам до востребования — 3% годовых

Зачисленные на счета вкладчиков проценты записываются в сберегательные книжки при первом пред'явлении их в сберегательную кассу.

По выигрышным вкладам проценты не начисляются, так как доход по этим вкладам выплачивается в виде выигрышей. Ближайший тираж по этим вкладам состоится в первой декаде апреля.

Вносите свободные денежные средства в сберегательные кассы!

Адрес редакции и издательства: Москва, ул. Станиславского, 24. (Для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-60-02, отделы критики, литератур братских республик, искусств, информации — К 4-26-04, издательство — К 4-64-61, бухгалтерия — К 4-76-02.

Б11505. Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.